

—
Составители
М. Лекке, Е. Чхаидзе

РОССИЯ ПОСЛЕ ИМПЕРИИ

СБОРНИК
СТАТЕЙ

библиотека
журнала

неприкосновенный
запас

Сборник статей

**Россия–Грузия после
империи (сборник)**

«НЛО»

2018

УДК [821.161.1:821.353.1]"1985/20"

ББК 83.3(2=411.2)64-021:83.3(5Гру=601.1)64

Сборник статей

Россия–Грузия после империи (сборник) / Сборник статей —
«НЛО», 2018

ISBN 978-5-4448-1013-2

В сборник статей «Россия – Грузия после империи» вошли научные, литературные, публицистические материалы и интервью культурологов и литературоведов из разных стран (Великобритания, Германия, Грузия, Польша, Россия, США), а также наблюдателей постсоветских трансформаций русско-грузинских отношений. В исследованиях кажущейся знакомой темы «Россия – Грузия» главной задачей являлось выделить в рамках междисциплинарного и международного диалога новые темы и ракурсы моделирования новой реальности указанного литературно-культурного поля. Именно литература представила собой весьма полезный материал, позволивший заглянуть за кулисы геополитических нарративов, так как политически значимые мыслительные категории являются неразрывно связанными как с литературными образами России и Грузии, так и с русско-грузинским мифом. Если в советскую эпоху русско-грузинский миф способствовал почти ритуальному изучению истории взаимоотношений двух народов, то начиная со второй половины 1980-х годов именно этот миф стал своего рода фундаментом для политического, военного, а также, как тогда казалось, и культурного размежевания некогда «братских республик».

УДК [821.161.1:821.353.1]"1985/20"

ББК 83.3(2=411.2)64-021:83.3(5Гру=601.1)64

ISBN 978-5-4448-1013-2

© Сборник статей, 2018

© НЛО, 2018

Содержание

Россия – Грузия после империи	6
Переплетение судеб и нарративов	8
Литературные связи и развязки	11
Языковая политика. Переводная и транснациональная литература	14
Библиография	18
Часть 1. Литература, язык, знание	20
Русско-грузинские литературные связи и наука о них в социальном контексте	20
Советский период	20
Центр и периферия	20
Культ классиков	23
Переводы	24
Литературоведение: кадры, темы и методы	25
Постсоветский период	26
Новые векторы развития в период национальной независимости	26
Грузинская русистика после независимости	28
Библиография	30
Грузинский акцент в русском дискурсе позднесоветской и первой четверти века постсоветской эпохи[19]	32
Библиография	41
Часть 2. Вместо дружбы	44
Тематические переломы: новые тенденции в русской и грузинской литературе постсоветского периода	44
Преломление: перетасовка спасительниц	45
Постсоветский период	46
Летописцы[39]	47
Свидетели войны и кавказский контекст	50
Новый социум	52
Библиография	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Россия – Грузия после империи

Сборник статей

Россия – Грузия после империи

Мирья Лекке, Елена Чхаидзе

Постсоветский период истории неоднократно был объявлен оконченным. В речах политиков и в дискуссиях интеллектуалов тезис о завершенности все чаще стал звучать лишь как констатация факта (Ф. Лукьянов, Н. Гвоздев, К. Кобрин и др.). Вместе с тем конец постсоветского периода означает завершение важного исторического отрезка, полного глубоких политических и культурных трансформаций, затронувших ни много ни мало «одну шестую часть суши». В результате этих трансформаций, с одной стороны, поистине необозримое количество этнических, национальных и религиозных групп столкнулось с необходимостью по-новому определить свою политическую ориентацию между старыми и новыми национальными движениями и гегемонией постсоветской России. С другой стороны, государства, возникшие на обломках СССР, должны были не просто выработать новую систему взаимоотношений, но и обозначить свое отношение к общей (советской) истории. Проблема отношений с Россией приобрела ключевое значение, выдвинув на повестку дня вопрос о том, в какой мере можно говорить о Советском Союзе как о государстве, в котором сохранялось господствующее положение русских. Помимо политической составляющей, сам по себе этот вопрос представляет благодатную тему для культурных исследований и рефлексий, поскольку он не только открывает перед нами диапазон возможных интерпретаций того, что именно воспринимается как русское, но и включает в себя элемент «дописывания» и конструирования новых значений.

Россия и Грузия – тема, кажущаяся на первый взгляд хорошо понятной и знакомой. Две страны – маленькая и большая, связанные друг с другом единой верой, культурным обменом и избитым клише о «дружбе народов»; и вместе с тем – две страны, разделенные опытом имперского гнета, национального обособления и вооруженными конфликтами¹.

Эти плотно связанные нарративы образуют систему смыслов, которая с годами осела в культурной памяти и приобрела определенную эмоциональность. В результате эта система не нуждается в дальнейшем обосновании в дискурсе. Именно это мы назовем *русско-грузинским мифом*.

Если в советскую эпоху русско-грузинский миф способствовал почти ритуальному изучению истории взаимоотношений двух народов (что не в последнюю очередь включало в себя изучение литературной составляющей этого диалога), то начиная со второй половины 1980-х гг. именно этот миф стал своего рода фундаментом для политического, военного, а также, как тогда казалось, и культурного размежевания некогда «братских республик».

После ухода Советского Союза в прошлое его тень продолжала нависать над государствами и обществами «постсоветского пространства». Интеллигенция, в том числе и писатели, вновь и вновь стала возвращаться к теме советского наследия, пытаясь с помощью языковых и эстетических средств литературы осмыслить то, что происходило в советскую эпоху, и к чему она привела, а также к чему могла бы привести. Исследователи культуры и литературы относительно недавно, в отличие от писателей, стали обращать повышенное внимание на культурную продукцию последнего 25-летия и вместе с тем начали рассматривать предыдущие пери-

¹ Подробный анализ составляющих этого дискурса и его изменений в эпоху Сталина можно найти в книге: (Maisuradze, Thun-Hohenstein, 2015).

оды истории культуры с точки зрения новой постсоветской исторической ситуации. Данная книга является попыткой осветить и проанализировать этот относительно новый опыт, основываясь прежде всего на литературном материале. В книгу вошла часть работ, представленных на международной научной конференции «Россия и Грузия после империи. Культурно-литературные аспекты», проводившейся в сентябре 2015 г. в Тбилиси при поддержке научного фонда «Volkswagen Stiftung». Кроме того, сборник включает в себя научные, литературные, публицистические материалы и интервью, представляющие разные точки зрения участников и наблюдателей постсоветских трансформаций русско-грузинских отношений.

Переплетение судеб и нарративов

Россия и Грузия после империи. Возможно, это заглавие изначально наводит на мысль о том, что **речь пойдет о двух самостоятельных единицах и их отношениях между собой. Однако это не так.** Безусловно, Грузия и Российская Федерация являются субъектами международного права, однако уже здесь мы сталкиваемся с определенными проблемами, например с вопросом о политическом статусе Абхазии и Южной Осетии. Россия поддерживает их стремление к независимости от Грузии, признает их суверенитет, вплоть до нахождения на территориях российских войск (Jones, 2013, 239–245). Грузия, в свою очередь, пытается сохранить собственную территориальную целостность. В действиях России она усматривает политические манипуляции с целью сохранения сферы влияния. Эти острые разногласия обернулись дестабилизацией региона, включая военные действия.

Для анализа культурной и литературной коммуникации, для понимания идентичности населения обеих стран, а также для оценки их взаимоотношений важно понимать, что обе национальные общности – российская и грузинская – являются дискурсивными конструктами: обе эти общности включают в себя различные этносы, в них говорят на разных языках, в их состав входят политически значимые национальные меньшинства с особой культурной идентичностью и исторической памятью. В отношении России весьма распространенным является мнение, согласно которому национальный дискурс в этой стране нельзя отделить от имперского, в связи с чем исследователи иногда приходят к выводу об отсутствии в России национальной консолидации как таковой (ср., например: Hosking, 1997; Суни, 2011). Этот «дефицит», в свою очередь, нередко служит объяснением многих проблем во взаимоотношениях между Россией и ее «ближним зарубежьем», которое в понимании многих россиян собственно зарубежьем и не является. По отношению к Грузии приходится говорить о совсем ином положении вещей, которое, однако, уже в имперский период таило в себе не менее сложные проблемы. Если в Георгиевском трактате 1783 г. домодерное Грузинское царство фигурировало как партнер и союзник России, то уже в 1801 г., вопреки зафиксированным в этом документе гарантиям автономии, Грузия превратилась лишь в одну из многочисленных провинций Российской империи (Suny, 1988, 58–59). При этом важно отметить, что инкорпорация Грузии в империю Романовых завершилась еще до того, как в период романтизма грузинская национальная общность с определенной территорией, языком, культурой и «народом» обрела свои очертания. Формирование грузинской нации во второй половине XIX в. происходило именно в режиме постоянного сопротивления религиозной и языковой политике Петербурга. Однако на протяжении всего имперского периода грузинское нациестроение в не меньшей степени ориентировалось и на приписываемые со стороны имперского центра позитивные экзотические черты Грузии (Reisner, 2007, 66–67). При этом следует отметить, что по сравнению с другими народами Кавказа грузины перенесли бремя российской колонизации относительно безболезненно, – стоит лишь вспомнить о массовых депортациях и жестоких расправах, имевших место, к примеру, на Северном Кавказе.

В период с 1918 по 1921 г. Грузия представляла собой независимую республику, в которой различные авангардистские течения в литературе и изобразительном искусстве повлекли за собой настоящий расцвет грузинской культуры. Однако этап государственной независимости оказался весьма скоротечным – его финалом стала оккупация страны отрядами Красной армии и последующее вхождение Грузии в состав Советского Союза. В то время как грузины Сталин и Берия все выше поднимались по ступеням партийной иерархии, в самой Грузии было жестоко подавлено антибольшевистское восстание 1924 г. Данный период играет важнейшую роль в историческом сознании грузинской нации, однако вплоть до 1991 г. на любые упоминания об этой эпохе было наложено табу, которое, словно черная дыра, поглощало воспоминания

о целом десятилетии грузинской истории. Тем не менее важные фазы «производства» грузинской национальной культуры приходятся и на раннесоветский период с его политикой «коренизации», которая, хотя и имела конъюнктурный характер (т. е. была направлена прежде всего на сохранение советского строя в республиках), в то же время способствовала развитию национальных культур (Martin, 2001; Jones, 2013, 8–9, 15–17). Наряду с другими советскими республиками Грузия также столкнулась с противоречивой и непостоянной национальной политикой большевиков со всеми присущими ей клише и нормативными представлениями. Если в самом начале советской эпохи вопрос национальной принадлежности был прежде всего вопросом индивидуального выбора (например, я буду для советской власти абхазом, если назовусь таковым), то с началом сталинского периода национальность все сильнее определяется псевдообъективными плоскими критериями – такими, как язык и происхождение (Slezkine, 1994; Martin, 2001). Поскольку советская национальная политика постоянно колебалась между практиками, направленными на эмансипацию (определенных народов и в определенное время) и колонизацию (которая в отношении отдельных групп носила почти постоянный характер), ее результатом стали весьма распространенные стереотипные и эссенциалистские представления о национальной принадлежности (советские анекдоты служат ярким тому примером)². При этом не следует забывать и о негласной иерархии народов СССР, в которой русские («первые среди равных») и грузины («древнейшая цивилизация СССР»), как правило, занимали места в самых высоких рядах, что подчеркивало их неофициальный статус более цивилизованных народов.

В то же время многочисленные биографии жителей советского и постсоветского пространства помогают нам осознать, как часто критерии родного языка и происхождения не совпадали друг с другом, так как нередко в одной семье или социальной группе использовалось два или более языков. Эти же биографии напоминают нам и о факторе внутренней миграции, когда советские люди оказывались в далеких и незнакомых им уголках Союза, следуя, например, за своими родителями или супругами, и при этом учились идентифицировать себя либо сразу с несколькими национальными культурами, либо же ни с одной из них. В глобализованном мире после 1991 г. этот процесс обрел дополнительное ускорение, одновременно сменив географическую направленность самих путешествий и миграционных потоков; однако он сам по себе не стал чем-то новым, поскольку наблюдать его можно было и в советское время, более того – для многих советских граждан именно внутренняя миграция стала основополагающим жизненным опытом.

Здесь, однако, следует отметить присущую советскому периоду нечеткость в разграничении понятий «русского» и «советского», которая на уровне нормативной культуры существует и по сегодняшний день (ср.: Тлостанова, 2004, 194), по-своему иллюстрируя то особое состояние, которое в работах Хоми Бабы (Bhabha, 1994) названо гибридностью и в более поздних трудах было развито им до понятия «промежуточность» (inbetweenness). Таким образом, постсоветское пространство следует описывать как зону специфических транскультурных отношений (ср.: Тлостанова, 2004), в рамках которых и расположен объект нашего исследования – «Россия и Грузия». Разговаривая с людьми, хорошо помнящими жизнь в СССР, нередко сталкиваясь с ностальгическими воспоминаниями (Boym, 2001) о той беззаботности, с которой тогда воспринимались этнические различия, – беззаботности, исчезнувшей с распадом Союза, уступив место межэтнической розни и войне. Границы и иерархия национальностей, установленные в советские времена, оказались тяжелым наследием для новообразовавшихся государств

² В книге М. Мельниченко «Советский анекдот. Указатель сюжетов» в главе «Автономные республики» читатель находит анекдоты о Прибалтике, Украине, Армении, Узбекистане. Грузия и грузины появляются во многих анекдотах (и, конечно, в анекдотах о Сталине). Им приписывают стереотипные черты: хвастовство, бабничество, преувеличенную семейственность, склонность к воровству и коррупции (Мельниченко, 2014, 970–975). Русские как дефолт-нация не становятся сюжетом обсуждения.

постсоветского пространства. Особенно заметной эта тяжесть стала на фоне процессов государственной консолидации, в которые бывшие советские республики окунулись после 1991 г.

С падением коммунизма начинается новый этап, который Борис Буден (Buden, 2009, 66) характеризует как фазу «исторической амнезии»: в политическом дискурсе собственная национальная история продолжает существовать лишь как сплошной пробел, который в рамках культурного процесса заполняется симулякрами. Причем такого рода амнезия в равной степени характерна как для «национально освобожденных», так и для тех, кто усматривает в распаде СССР геополитическое поражение (разграничение между этими двумя группами отнюдь не совпадает с национальными границами). Такого рода «амнезия» сближает «восток», постсоциалистическое пространство, «второй мир» с бывшими британскими, французскими, испанскими, португальскими, немецкими, бельгийскими и т. д. колониями, позволяя интерпретировать десятилетия советской власти именно как разновидность колонизации/колониализма³. Такая трактовка неизбежно возникает из логики самого дискурса, являясь своего рода смысловым дополнением к историческому факту имперского гнета. При этом в глазах представителей национальных республик, не идентифицирующих себя как русских, сама советская власть нередко выступает в роли сугубо внешнего фактора и определяется именно как «русская» власть, в то время как распад СССР преподносится в рамках публичной национальной самопрезентации как национальное освобождение, описываемое в традициях антиколониальной борьбы (Ibid.).

³ О родстве, даже фактическом совпадении постсоциализма с постколониализмом пишет Штефанеску (Ștefănescu, 2012, 76–81).

Литературные связи и развязки

Литература, в свою очередь, представляет собой весьма полезный материал, который позволяет заглянуть за кулисы такого рода геополитических нарративов, поскольку, с одной стороны, политически значимые мыслительные категории неразрывно связаны **как с литературными образами «России» и «Грузии», так и с русско-грузинским мифом**; а с другой стороны, именно литература традиционно является тем местом, где происходит культурная рефлексия, где «устоявшееся» знание подвергается критическому осмыслению, где сталкиваются друг с другом идентичности, стереотипы и способы восприятия действительности. Как минимум до начала постсоветской эпохи литература оставалась важнейшим средством общественного самосознания, как в самом Советском Союзе, так и в Восточной Европе в целом. В эпоху Интернета и социальных сетей статьи данного сборника призваны, помимо всего прочего, продемонстрировать потенциал научного изучения литературы в ее общекультурном контексте.

Традиционно Грузия занимает важное место в системе русской культуры, играя в ней роль некоего «Ориента», в котором, с одной стороны, особым образом сплелись представления о «Юге» и «Востоке» (ср.: Layton, 1994); но, с другой стороны, Кавказ – вторичный Ориент, потому что сама Россия уже является «вторичной империей» по отношению к Западу (Tlostanova, 2010, 64, 68, 70). Кавказ играет по отношению к России роль домашнего иного, «юга бедного севера» (Тлостанова, 2012, 99, 103). Оставаясь при этом важным местом для проецирования инаковости, Грузия в то же время символизирует имперское богатство России. Эта асимметрия прослеживается на протяжении всей истории взаимоотношений двух стран, представляя Россию, как правило, в роли гегемона, а Грузию – в роли «объекта», которым гегемон желает овладеть. Однако эта упрощенная картина очень скоро обнаруживает весомые противоречия. Так, уже в самом начале эпохи романтизма Грузия выступает не только в роли маргинализированной жертвы имперской политики, но и приобретает образ страны свободы и вдохновения, а позднее становится пристанищем для инакомыслящих представителей имперской элиты, перенимая при этом созданный «оккупантами» образ рая на земле. Благодаря своей древней традиции государственности, ранней христианизации, наличию собственного языка, письма и высокой культуры Грузия обладает значительным символическим капиталом (в терминологии Пьера Бурдьё), который в равной степени служил фундаментом для национального движения и притягивал к себе советские элиты. В то же время огромное количество грузин осваивало имперское, а затем и советское знание, чтобы на его основе строить успешные карьеры. Таким образом, на протяжении всего существования СССР «грузинский элемент» все теснее вплетался в единую советскую культуру. Наглядным и, пожалуй, наиболее известным примером такого сплетения служит фигура Иосифа Виссарионовича Джугашвили, который под именем Сталин стал живым воплощением тоталитарного Советского государства. Полушутя называя себя «русским грузинского происхождения»⁴, Сталин, тем не менее, позволял части грузинской элиты греться в лучах его власти (Maisuradze, Thun-Hohenstein, 2015, 227–256).

В процессе стабилизации мультиэтнической структуры Советского государства были созданы весьма громоздкие и затратные механизмы, которые, являясь воплощением советской программы эмансипации и развития наций, идеологически обслуживали постулаты «дружбы народов» и солидарности братских республик, а своим главным врагом провозглашали так

⁴ Сталин произнес известный тост на приеме в Кремле 24 мая 1945 г., в котором подчеркнул роль русского народа в победе во Второй мировой войне (Сталин, 1997, 228–229). Фраза о происхождении Сталина, не вошедшая в официальную печать, стала популярной легендой.

называемый (мелко-)буржуазный национализм. Искусственный характер этих советских инициатив подчеркивают сегодня многие исследователи. Однако фактом является и то, что сведенные к ритуалу встречи между писателями и интеллектуалами из разных республик нередко влекли за собой вполне искреннее общение и развитие дружеских отношений, которые многочисленными нитями пронизывали Советское государство, преодолевая характерное для него разделение на центр и периферию (Дравич, 1990). Кроме того, интеллектуалы, живущие на периферии, нередко помогали своим опальным коллегам из центра, подыскивая им работу (например, заказы на перевод текстов) и т. п. Особенно в позднесоветский период такого рода контакты нередко попадали в поле зрения идеологических надзирателей, поскольку они, помимо всего прочего, включали в себя также и обмен запрещенными или идеологически опасными материалами (Алексеева, Гольдберг, 1990, 148, 183, 222).

С началом перестройки закосневшие советские шаблоны внезапно приходят в движение, а вместе с ними «перестраиваются» и языковые нормы, регулирующие грузинско-советско-русские взаимоотношения, раскрывая при этом всю их противоречивость. Эти перемены застают врасплох авторов, пишущих на русском языке, одновременно открывая их грузинским коллегам новые возможности для творчества. В то время как русскоязычным писателям приходится совершенно по-новому концептуализировать Грузию («изгнание из рая», см.: Чхаидзе, 2016), в литературе, издаваемой на грузинском языке, все более заметным становится антиколониальный дискурс, который долгое время скрывался в гибридных текстах или на уровне подтекста, а теперь выходит на поверхность без табу и камуфляжа. Тем временем в политической сфере между Россией и Грузией растет напряженность, связанная прежде всего с эскалацией межнациональных конфликтов и – в России – со страхом перед развалом государства⁵. В дополнение ко всему вспыхивает исторический дискурс вины, в рамках которого русскоязычная общественность ставит вопрос непосредственно о роли грузин в советском аппарате подавления (Сталин, Берия, Шеварднадзе). С началом вооруженного противостояния в Абхазии и Южной Осетии в грузинском обществе набирают обороты антироссийские настроения, лейтмотивом которых становится лозунг «Грузия для грузин» (провозглашенный президентом Звиадом Гамсахурдия⁶). В этой антироссийской риторике националистические иллюзии о собственной избранности сплетаются с дискурсивными клише о национальном освобождении, взятыми из постколониального репертуара.

В области литературы 1980-е гг. ознаменовали более яркое проявление в Советском Союзе постмодернистских течений. Именно они дают толчок для новой циркуляции дискурсивного материала, который в свою очередь оказывается прочно связанным с досоветскими (иногда – национальными) дискурсами, создавая таким образом впечатление возврата к старым мотивам, формам и речевым особенностям. Однако полноценный возврат в *status quo ante* в области культуры является таким же нереальным, как и в области политики. На самом деле то, что мы можем наблюдать как в русско-, так и в грузиноязычных текстах того времени, является либо реконструкцией границ и идентичностей, либо их деконструкцией. При этом преодоление эссенциалистского понимания нации (и присущих ему гендерных и расовых стереотипов) становится такой же важной задачей литературного творчества, как и вопросы ответственности и этики.

Начиная с середины 1980-х в русской литературе наблюдается изменение тем и мотивов в сторону отчуждения и очуждения нерусских, что означает начало процесса выстраивания «новой» русской национальной постсоветской идентичности. Подтверждением тому является появление впоследствии весьма шумевшего рассказа Виктора Астафьева «Ловля пескарей в Грузии», первого, в котором, помимо повышенного внимания к грузинской тематике, в отры-

⁵ О конфликтах в Южной Осетии и Абхазии см.: (Cornell, Svante, 2002, 176).

⁶ Блестящее описание фигуры З. Гамсахурдия находим у: (Jones, 2013, 54–73).

вочных фразах отмечается пренебрежительное отношение и к евреям, и к грекам, и к другим народам. Что касается грузинской литературы, то и здесь наблюдаются такого рода размежевания, но, в отличие от русской, они существовали и в имперские, и в советские времена, будучи скрытыми за иносказаниями, которые были понятны только грузинской интеллигенции. Георгий Майсурадзе и Заал Андроникашвили (2007) выдвинули предположение о том, что грузинские элиты именно филологическими знаниями подменили реальную политику. Это привело к плачевным последствиям первых лет независимости и фактической потере территорий в лице Абхазии и Южной Осетии⁷.

⁷ О подмене или компенсации политической зависимости культурными мифами о славном прошлом Грузии писали и политологи, см.: (Jones, 2013, 15–16).

Языковая политика. Переводная и транснациональная литература

Говоря о русско-грузинских литературных и культурных процессах, невозможно обойти стороной проблемы языка, языковой политики и организации знания. Многочисленные попытки урезать статус и сферу употребления грузинского языка в пользу русского имели место как в Российской империи, так и в Советском Союзе. Последняя такая инициатива потерпела неудачу в 1973 г., когда была предпринята попытка закрепить за русским языком статус официального языка в Грузинской ССР. Вместе с тем на территории Грузии были кодифицированы и развивались абхазский и осетинский языки – этот процесс, начавшийся еще при Российской империи, стал особенно интенсивным именно в советскую эпоху. В то же время русский язык рассматривался представителями союзного центра как неотъемлемая часть советской модернизации и цивилизаторской миссии (*mission civilisatrice*). Именно «язык межнационального общения» становится важнейшим инструментом русификации (Дравич, 1990, 32; Тлостанова, 2004, 194).

С другой стороны, и без того относительно высокий престиж грузинского как литературного языка, а также языка древней христианской культуры приобретает еще одно важное символическое значение – именно грузинский язык становится своего рода бастионом против русификаторских практик советской эпохи. Говоря о литературном творчестве, нельзя недооценивать роль этой особой языковой ситуации. Убежденность в превосходстве русскоязычной советской культуры, как правило, влекла за собой нежелание ее носителей тратить время и усилия на изучение языков других народов СССР. Различные вариации би- и мультилингвальности (например, русско-грузинская, русско-азербайджанская, русско-армянская) были и остаются характерными лишь для тех, чья языковая социализация проходила вне России, вдали от Москвы. В самой же Москве – центре литературной и культурной жизни страны – знание национальных языков не являлось обязательным условием для успешной карьеры функционеров от культуры, включая и тех из них, кого отправляли на работу непосредственно в союзные республики. Это в свою очередь приводило к тому, что вопросы цензуры и идеологического контроля оставались на попечении лояльных советскому строю билингвов. Таким образом, формировался целый класс профессиональных *inbetweeners* (в классификации Хоми Бабы), чьим полем деятельности была регламентация того, что разрешалось писать и публиковать на грузинском языке, а разрешалось здесь гораздо больше, чем писали и публиковали на русском. Безусловно, такая «вольность» объяснялась прежде всего тем, что и в других республиках грузинский язык изучали крайне редко, а следовательно, тексты, опубликованные на грузинском языке, имели ограниченную аудиторию, которую, как правило, составляли исключительно советские граждане грузинского происхождения.

Именно здесь становится очевидным то большое значение, которое имела в Советском Союзе переводческая деятельность. Во всех областях культуры переводы были незаменимым элементом, однако их важность подчеркивалась еще антропологическими аргументами. В частности, Максим Горький – отец-основатель и популяризатор многонациональной советской литературы – считал, что в литературном тексте заключен универсальный человеческий опыт (Khotimsky, 2013, 138). Кроме того, Горький полагал, что на пути к всеобщему братству народы мира должны прежде всего узнать друг друга, а литература как раз и является идеальным средством такого взаимного познания. С этой целью, заручившись политической поддержкой большевиков, Горький инициировал беспрецедентный по своим масштабам переводческий проект, который должен был открыть народам СССР всемирное литературное наследие. Жесткая консолидация советской литературы, начавшаяся после I Всесоюзного съезда писателей 1934 г., позволила применить эту модель и внутри СССР. На какое-то время советская

индустрия переводной литературы становится крупнейшей в мире (Гудков, Дубин, 2009, 189). При этом парадигматическим языком является именно русский: переводы с других языков на грузинский осуществляются, как правило, через русский перевод. Дравич указывает на то, что эта ключевая роль русского языка имела колоссальные последствия для «националов» – т. е. для авторов, которые писали на казахском, армянском или грузинском языке. Эти писатели отдавали себе отчет в том, что только через русский язык их работы потенциально могли привлечь внимание всесоюзной публики, не говоря уже о читателях за рубежом. Такое положение вещей не только делало статус переводчика запредельно высоким, вынуждая авторов заискивающе добиваться их расположения (Дравич, 1990, 32), но и влияло на сам творческий процесс, поскольку писатели уже в процессе написания произведения должны были учитывать вопросы переводимости, организации знания, а также ожидания советской читательской аудитории. Более того, Чингиз Гусейнов, к примеру, рассказывает о русских «переводах» с национальных языков советских республик, которые, при наличии выгодных предложений публикации, подготавливались еще до написания самого оригинала (Гусейнов, 2014, 205). Таким образом, становится очевидным, что русский язык функционировал не просто как транснациональный, но даже как универсальный язык, который словно гигантский купол накрывал все остальные языки Советского Союза.

Помимо этого, именно русский оставался главным языком литературоведения – как правило, именно на нем проводился научный анализ советской литературы. Но одновременно с этим русский был и является мифически возвышенным воплощением «русскости» как таковой, оставаясь при этом также и языком завоевателей, в связи с чем роль русского языка как «мягкой силы» (soft power) всегда вызывала противоречия, на что указывает в своей работе Тлостанова (2004, 98, 379–380), говоря, в частности, о России как о вторичной империи. Из-за этого русский язык конкурировал с другими языками, претендующими на универсальность, например с французским и, в особенности, с английским.

В свете сказанного о русском и грузинском языках и их сосуществовании в рамках советской культуры напрашивается вывод о том, что конец СССР ознаменовал собой распад целой системы организации культуры и знания. С распадом Союза структура производства переводной литературы быстро пришла в упадок ввиду прекращения государственных субсидий, в результате чего рецепция иноязычного материала в Грузии была организована заново и на совершенно других основаниях. В обеих странах наиболее значимой «мягкой силой» стали США, чье влияние стало заметным не только на литературном рынке, но и в самом языке – например, в виде растущего числа новых англицизмов. Сегодня статус грузинского как национального языка не подлежит сомнению. После нелегкого переходного периода в грузинской образовательной системе русский язык окончательно уступил английскому свой статус важнейшего иностранного языка. В российской системе образования стал наблюдаться отчасти схожий процесс: английский язык на фоне других иностранных языков обрел особый статус. Тем не менее советская культура и русский язык остаются важной сферой притяжения интересов для грузинской литературы, что, с одной стороны, объясняется наличием «русских» компонентов в истории самой Грузии, которые являются частью собственного жизненного опыта многих носителей этой культуры. С другой стороны, значительная часть текстов, так или иначе связанных с Грузией, была написана на русском языке и отражает переживания и опыт огромного числа русскоговорящих граждан бывшего Советского Союза – тех самых граждан, которые в последнее время якобы образуют «русский мир» (ср.: Тесля, 2014). Исключение этих текстов из грузинской литературы было бы по меньшей мере неоправданным. При этом русский является далеко не единственным языком, которым пользуется современная «грузинская» литература. В эпоху глобальных миграций важными языками «русской» и «грузинской» литератур становятся английский, а в какой-то степени и немецкий; писатели как представители транскультурного литературного процесса могут писать на любом языке.

Вопрос выбора языка стоял и перед авторами-составителями этой книги. Очевидно, что получить доступ к международному рынку научной продукции легче всего при помощи английского. Однако нам было важно инициировать обмен мнениями о событиях последних 25 лет между представителями разных стран и, что еще важнее, разных поколений. Добиться этого в нашей научной дисциплине можно только посредством русского языка. Таким образом, ставший перед нами выбор оказался лишь выбором в пользу той или иной гегемонии. Выбрав русский язык, мы, безусловно, рискуем лишний раз подтвердить расхожее, но оттого не менее ложное мнение о превосходстве этого языка и культуры над языками и культурами своих южных соседей, а также предоставить слово лишь тем, кто умеет «говорить» по-русски. Но поскольку альтернативой такому выбору было лишь молчание, то и альтернативы как таковой у нас не было вовсе.

Книга включает в себя четыре части. В первой из них – **«Литература, язык, знание»** – в статье Мирьи Лекке «Русско-грузинские литературные связи и наука о них в социальном контексте» пойдет речь о соотношении исследования русско-грузинских литературных связей советского и постсоветского периодов с социальными и идеологическими парадигмами. Гасан Гусейнов в статье «Грузинский акцент в русском дискурсе позднесоветской и первой четверти века постсоветской эпохи» обратился к не разработанной на постсоветском пространстве теме акцента и его роли в советском и постсоветском социуме, взяв как пример грузинский акцент, который был слышен в речах самых ярких грузин советского и постсоветского периодов (Сталин, Шеварднадзе, Мамардашвили).

Во второй части – **«Вместо дружбы»** – литературоведы и культурологи обратились к литературе и литературному процессу постсоветского времени. К межнациональным конфликтам в Абхазии и Южной Осетии обратилась Елена Чхаидзе – «Тематические переломы: новые тенденции в русской и грузинской литературе постсоветского периода». Исследовательница провела анализ изменения тематической парадигмы Россия – Грузия в обеих литературах. Заза Абзидзе в работе «Литература как альтернативная история: постсоветские конфликты в грузинской прозе» рассказывает об отражении постсоветской грузинской действительности в мемуарах грузинских пропагандистов и хронистов трагических событий 1990-х гг. В ряд исследуемых произведений попали тексты представителей разных поколений – Отара Чхеидзе, Отара Чиладзе, Тамты Мелашвили и других. Дирк Уффельманн в исследовании «La guerre de Géorgie n'a pas eu lieu: Заза Бурчуладзе, разоблачение пост-постмодернизма и ставка на российского маргинального читателя» обратился к эстетической и книгопечатной нише, в которой русские переводы книг Зазы Бурчуладзе нашли место на российском книжном рынке.

В третьей части книги – **«Имперское наследие»** – читатель узнает о новых интерпретациях и исследованиях классических произведений русской и грузинской литератур в свете постимперских/постколониальных теорий. Харша Рам в исследовании «К вопросу о поэтических источниках грузинского тоста» обращается к репрезентации и аллегорическому изображению грузинского застолья, тостов и кутежей как миметической стратегии самоутверждения идентичности или, напротив, как идеологического соперничества и символической компенсации. Бела Ципурия в статье «Гибридность и двойной социокод в романе Чабуга Амиреджиби „Дата Туташхия“» исследует введенное Хоми Бабой понятие «гибридность» на примере известного романа грузинской литературы XX в. Два известных романа грузинской литературы – «Арсен из Марабды» Михаила Джавахишвили и «Шел по дороге человек» Отара Чиладзе – попали в поле интересов Дональда Рейфилда («Русофобия, тайная и явная, в грузинском советском романе»). Ученый демонстрирует, как грузинское имперское и постимперское историческое наследие становится удобной почвой для кодирования и отражения новой советской действительности в грузинской литературе. Путевая проза Андрея Битова и Петра Вайля стала материалом для исследования роли русского языка на Кавказе, восприятия бывшей советской Грузии как нового пространства, что нашло отражение в статье Иоанны Кула

«Осколки бывшей Империи. Грузия в современной путевой прозе». Моника Беднарчук в статье «Симпатия и ностальгия в тени старшего брата: постсоветская Грузия в польских репортажах и в общественном дискурсе» обратилась к романтизации образа Грузии как восточной страны в репортажах Мартина Меллера, Войцеха Горецкого, Мартина Савицкого и др. Она выдвигает тезис, что в польском дискурсе Грузия выполняет функцию поддержки западной самоидентификации поляков.

В заключительной части – «**Очевидцы**» – собраны материалы, содержание которых основано на отражении восприятия постсоветской Грузии и ее отношений с Россией. Авторами работ, наряду с исследователями, являются писатели, публицисты и культурологи. В интервью с Александром Эбаноидзе, которое мы озаглавили как «Писатель между народами, литературами, эпохами», шла речь о вопросах, касающихся нахождения писателя в межкультурном пространстве, и судьбе выходца из советской периферии в советские времена. Мария Филина в работе «Идеология и власть: подчинение и попытки игнорирования» поставила под сомнение нарратив о тотальном идеологическом контроле советской власти над литературоведческим процессом. Главной темой интервью с Николаем Шабуровым («Взгляд из России») стал комментарий очевидца и исследователя, родившегося в Грузии и живущего в России, на изменения отношения к постсоветской Грузии в постсоветской России.

В заключение читателю сборника предложено эссе Стефана Ваквитца «Два неслыханных события» – из книги «Die vergessene Mitte der Welt: Unterwegs zwischen Tiflis, Baku, Eriwan» [Забытая середина мира: По дороге между Тбилиси, Баку, Ереваном], в котором он знакомится с впечатлениями западноевропейского человека, попавшего в постсоветскую Грузию и ставшего очевидцем трансформации общества.

Перевод с немецкого Александра Забирко

Библиография

- Алексеева Л.* (1992) История инакомыслия в СССР. Вильнюс; М.: Весть.
- Алексеева Л., Гольдберг П.* (1990) Поколение оттепели. М.: Захаров.
- Андроникашвили З., Майсурадзе Г.* (2007) Грузия-1990: филологема независимости, или Неизвлеченный опыт // НЛО. № 83. С. 122–137.
- Бурдье П.* (2004) Формы капитала / Пер. с англ. М. С. Добряковой; *Бурдье П.* Различение: социальная критика суждения (фрагменты книги) / Пер. с фр. О. И. Кирчик // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН.
- Бурдье П.* (2005) Социология социального пространства / Пер. с фр.; общ. ред. пер. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя.
- Гвосдев Н.* [Гвоздев Н.] (2012) Новая Российская империя // Кавказ online. 21 апреля (<http://kavkasia.net/Russia/article/1335068247.php>).
- Гудков Л., Дубин Б.* (2009) Интеллигенция. Заметки о литературно-политических иллюзиях. СПб.: Иван Лимбах.
- Гусейнов Ч.* (2014) К вопросу о «русскости нерусских» // Дружба народов. № 4. С. 204–224.
- Дравич А.* (1990) Не только русская литература: советский не обязательно русский // Вопросы литературы. № 8. С. 28–43.
- Кобрин К.* (2016) Конец и постскрипtum // Настоящее время. 25 августа (<http://www.currenttime.tv/a/27945804.html>).
- Мельниченко М.* (2014) Советский анекдот. Указатель сюжетов. М.: НЛО.
- Сталин И.* (1997) Выступления на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года // Сталин И. Сочинения. Т. 15. М.: Писатель. С. 228–229.
- Суни Р.* (2011) Государство Наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: РОССПЭН.
- Тесля А.* (2014) О «Русском мире» // Ведомости. 22 августа. № 3658 (<https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/08/22/o-russkom-mire>).
- Глостанова М.* (2004) Жить никогда, писать ниоткуда. Постсоветская литература и эстетика транскulturации. М.: УРСС.
- Глостанова М.* (2012) О произвольности географии, или Почему мы исчезаем // Личность. Культура. Общество. Т. 14. № 69/70. С. 95–108.
- Чхаидзе Е.* (2016) Грузинская тематика в русской литературе постсоветского периода // Громова Н., Лютикова Г. (Сост.); Лютикова Г. (Ред.). Борис Пастернак и Тициан Табидзе: дружба поэтов как диалог культур: Сб. по материалам конф. М.: Изд-во «Литературный музей». С. 178–193.
- Bhabha H. K.* (1994) The Location of Culture. London: Routledge.
- Boym S.* (2001) The Future of Nostalgia. New York: Basic Books.
- Buden B.* (2009) Zone des Übergangs: vom Ende des Postkommunismus. Frankfurt a.M.: Suhrkamp.
- Cornell S. E.* (2002) Autonomy and Conflict: Ethnoterritoriality and Separatism in the South Caucasus – Cases in Georgia. Uppsala: Uppsala University.
- Hosking G.* (1997) Russia: People and Empire, 1552–1917. Cambridge: Harvard University Press.
- Jones S.* (2013) Georgia: A Political History since Independence. London; New York: I. B. Tauris.
- Khotimsky M.* (2013) World Literature, Soviet Style: A Forgotten Episode in the History of the Idea // Ab Imperio. № 3. P. 119–155.

Layton S. (1994) *Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lukyanov F. (2012a) The End of the Post-Soviet Era // *Russia in Global Affairs*. 19 january. (<http://eng.globalaffairs.ru/redcol/The-End-of-the-Post-Soviet-Era-15443>).

Lukyanov F. (2012b) The End of the Post-Soviet Period in Russian Foreign Policy: What is Next? [Interview] // Center for Strategic and International Studies. 29 february (<https://www.csis.org/events/end-post-soviet-period-russian-foreign-policy-what-next>).

Maisuradze G., Thun-Hohenstein F. (2015) *Sonniges Georgien. Figuren des Nationalen im Sowjetimperium*. Berlin: Kadmos.

Martin T. (2001) *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca: Cornell University Press.

Reisner O. (2007) Kaukasien als imaginiertes russisches Raum und imperiale Erfolgsgeschichte // *Pietrow-Ennker B.* (Hg.). *Kultur in der Geschichte Russlands. Räume, Medien, Identitäten, Lebensräume*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. S. 61–82.

Slezkine Yu. (1994) The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. Vol. 53. № 2 (Summer). P. 414–452.

Ștefănescu B. (2012) *Postcommunism – Postcolonialism: Siblings of Subalternity*. București: Universității din București.

Suny R. G. (1988) *The Making of the Georgian Nation*. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press.

Tlostanova M. (2010) *Gender Epistemologies and Eurasian Borderlands*. New York [u. a.]: Palgrave Macmillan.

Часть 1. Литература, язык, знание

Русско-грузинские литературные связи и наука о них в социальном контексте

Мирья Лекке

Русско-грузинские литературные и политические отношения плотно переплетены между собой. В свое время на это обратила внимание Сюзан Лейтон в книге «Русская литература и империя: Завоевание Кавказа от Пушкина до Толстого» (Layton, 1994). Я хотела бы продолжить разговор о «власти» и литературном процессе, взяв во внимание XX–XXI вв. Комплекс академических и общественных институций и процессов, связанных с русско-грузинскими литературными отношениями позднесоветского и постсоветского периодов, будут рассмотрены как констелляция знания. Меня интересуют отношения между центром и периферией, а также культ классиков в литературе, переводы и развитие исследовательского процесса (его кадры, темы и методы на разных этапах развития литературных связей).

Учитывая, что литературный процесс, бесспорно, является когнитивным явлением, и основываясь на теории Мишеля Фуко, можно утверждать, что и в литературе «власть» и «знание» неразделимо связаны посредством практик и дискурсов. Отсюда появился интерес пристальнее всмотреться в организационные структуры и социальные особенности, в рамках которых развивались русско-грузинские литературные отношения. Самым важным положением данной статьи является рассмотрение истории русско-грузинской литературной дружбы не как истории потерь, а как истории превращения некоторых сложно соотнесенных между собой систем знаний.

Советский период

Центр и периферия

Советский Союз был наследником многонациональной царской империи и имел типично имперскую структуру (ср., напр.: Martin, 2001), в которой центр противопоставлен периферии, при этом центр являлся местом производства норм, положения которых распространялись на периферию. К этой теме обратилась социолог и историк науки Елена Гапова. Она описывает Москву как неоспоримый центр знания Советского государства. В столице проверенные и лояльные компартий кадры имели доступ к релевантному знанию, спрятанному от общества в спецхранах (Гапова, 2011, 301). Москвой задавался вектор развития: именно оттуда шли ресурсы на поддержание всесоюзной литературной жизни, именно там устанавливались правила производства советской литературы и знания о ней. Основой такого распределения являлась национальная политика. Она в большой мере влияла на систему знаний о культурах Советского Союза, а понятие «дружба народов», как известно, было связующим для многонационального государства (Martin, 2001, 432–461), которое исследователи сравнивали с коммунальной квартирой (в каждой из ее комнат питалась и развивалась своя национальная культура, ср.: Slezkine, 1994)⁸. Хотя автономия национальных культур в СССР была весьма ограничена.

⁸ Переплетение имперского наследия СССР, ассимиляторской политики и этнических напряженностей живо обсуждалось в позднесоветский период. Гусейнов и Драгунский (1990, 11–30) весьма критически относятся к метафорическим опи-

Роль соотношения центра – сначала Петрограда, а затем Москвы – с периферией в институциональном литературно-исследовательском процессе очевидна.

Блестящим свидетельством тому является история кавказоведения, включавшая в себя и картвелологию⁹. Еще на заре XIX в. в России зародился интерес к исследованию Кавказа. Толчком к его началу стала практическая необходимость, обусловленная российской экспансией на Кавказ; кроме того, свою роль сыграл романтизм (см.: Страницы 1992). «Успешному развитию кавказоведения в этот период способствовали и следующие обстоятельства: контакты живших в Грузии русских с местными учеными и появление в русской чиновничьей среде дилетантов – собирателей древностей. Важнейшую роль в развитии изучения Кавказа сыграли увеличение в Тифлисе количества изданий на русском, грузинском и армянском языках и появление периодической печати» (Орбели, 1972, 469). Напрашивается вывод, что русское кавказоведение можно назвать научным присвоением на фоне имперской экспансии. В советский период кавказоведение строилось на этом наследии. В начале XX в. главные центры кавказоведения находились в Петрограде (Ленинграде) и Москве. При том что старые, еще имперские, научные центры продолжали свою работу, в изменившихся исторических условиях стали появляться и новые, которые тоже находились исключительно в «столицах» (см.: Страницы 1992).

К старым центрам кавказоведения, являвшимся одними из важнейших, принадлежал Азиатский музей в Петрограде, при котором в 1921 г. был основан новый: Коллегия востоковедов. Возглавил ее востоковед и кавказовед, родившийся в Кутаиси, Н. Я. Марр, ведущий теоретик раннесоветского языковедения (см. о нем: Кларк, Тиханов, 2011, 312–317)¹⁰. Как кавказовед он был учеником французского востоковеда и картвелолога М.-Ф. Броссе (Marie-Félicité Brosset), переехавшего из Парижа в Петербург для продолжения своих исследований и путешествовавшего по Грузии и Армении. В числе работ обоих ученых есть и труды о русской литературе в контексте кавказской темы (Чхаидзе, 2015, 94).

М. Броссе и Н. Марр являлись учителями основателя Тбилисского университета Иванэ Джавахишвили, который также получил образование на факультете восточных языков Петербургского университета и таким образом перенес знание центра на периферию. К новым центрам принадлежал и Институт востоковедения АН СССР, основанный в 1930 г. на базе Азиатского музея. В его структуре был создан Кавказский кабинет, сотрудниками которого были известные историки, фольклористы, лингвисты, специалисты по Грузии, Армении и северокавказским народам¹¹.

Также значительные кавказоведческие исследования проводились Комиссией по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран, созданной в апреле 1917 г. при Академии наук (КИПС). Ее кавказским отделом руководил опять-таки Н. Я. Марр. Позже, в 1930 г., КИПС была преобразована в Институт по изучению народов СССР (ИПИН), возглавляемый все тем же Н. Я. Марром (Страницы)¹².

К концу 1930-х гг. «сила тяжести» исследовательского процесса переносится на периферию. Там организуются национальные центры исследований. В Грузию возвращаются ученые, получившие образование в России (в Петербургском и Московском университетах), и становятся ведущими специалистами республики. Эти ученые создают вокруг себя научные группы,

саниям СССР типа коммуналки, семьи, братьев и т. д.

⁹ При работе над историей кавказоведения в России мне помогла Елена Чхаидзе, которой я очень благодарна.

¹⁰ О «грузинском» элементе политико-лингвистического спора между Марром и Сталиным см.: (Maisuradze, Thun-Hohenstein, 2015, 81–88).

¹¹ К. Д. и В. Д. Дондуа, С. Т. Еремян, А. А. Калантар, Ю. Н. Марр, И. В. Мегрелидзе, Б. Т. Руденко, Р. Р. Орбели, А. Г. Шанидзе, Р. М. Шаумян и др.

¹² К работе были привлечены К. Д. Дондуа, И. А. Орбели, А. Н. Генко, И. И. Мещанинов, А. А. Бокарев, Р. М. Шаумян, И. В. Мегрелидзе, С. А. Быховская, из Москвы специально приезжал Н. Ф. Яковлев, внештатно работал студент В. И. Абаев.

перераставшие в исследовательские школы (И. Джавахишвили, С. Данелия, В. Шадури и др.) (Чхаидзе, 2015, 98–100).

Начиная с 1950-х гг. для чтения лекций по истории Грузии и истории грузинской литературы и языка в России уже приглашались специалисты из Грузии. Так, в частности, проводилось обучение специалистов в Литературном институте им. М. Горького. Особенно ярким примером, подтверждающим важность Москвы в многонациональной литературной жизни эпохи, стало создание в 1932 г. ИМЛИ – Института мировой литературы им. Максима Горького (это название он получил в 1938 г.), в котором был отдел («сектор») литератур народов СССР. Здесь, как и в других вузах Москвы и Ленинграда, работали отдельные специалисты по грузинской литературе. Среди целей и задач ИМЛИ значилась поддержка и пропаганда дружеских связей в литературе. Институт, несомненно, был самым важным местом для сбора и распространения знаний о литературах советских республик. В его публикациях часто встречаются признания о том, что советская литература – феномен братски соотнесенных разноязычных литератур народов СССР. Однако во главе их стояла русская литература, с которой проводились параллели и к которой обращались как к образцу. Тбилисец Георгий Ломидзе, получивший высшее образование в Москве и в течение многих лет возглавлявший ИМЛИ, пишет: «Русская литература служит своего рода учебником, образцом высокоидейного художественного творчества» (Ломидзе, 1960, 491).

Параллельно вышеописанному протекал и другой процесс. Со времен оттепели Грузия, как и в XIX – начале XX в., снова становится творческим центром для разных языковых групп целого государства. Это произошло, хотя бы отчасти, благодаря ее периферийности. Из-за того, что релевантность высказываний оценивалась ниже, цензура здесь была слабее, чем в центре¹³. В журнале «Литературная Грузия» и в издательстве «Мерани» выходили произведения и материалы, у которых не было шанса на публикацию в столице. В 1958 г. появились переводы Бориса Пастернака, против которого в это время в столице развернулась жесткая травля (Беставашвили, 2008, 386). Современники говорили, что в Грузии власть могла выпустить пар из котла.

Кроме роли периферийности, хотелось бы обратить внимание на еще одну важную характеристику – «литературоцентричность» СССР, «упорное тяготение культуры в целом к литературно-словесным формам саморепрезентации» (Кондаков, 2008, 5). Эта черта восходит к русской культуре XIX в., когда литература для интеллигенции считалась единственным средством правдивого отражения действительности, и впоследствии литература занимала исключительно важную роль – не только эстетическую, но идеологически-политическую¹⁴.

Из России литературоцентричность влияла и на Грузию. Вне Российской империи ее роль в общественных процессах вряд ли достигла бы такого уровня. Насколько глубоко и как переняла ее грузинская культура – это уже другой вопрос.

Литературоцентричность стояла во главе угла распределения знаний в СССР. Она имела глубокое влияние и далекоидущие последствия. В Советском Союзе особенно ценилась малоизвестная или запрещенная литература. Она считалась привилегированным способом дойти до релевантного знания. И потому доступ к ней представлялся значительным культурным капиталом (Гапова, 2011, 300).

Литература ценилась не только как средство познания общественной реальности. Она была весьма значима для функционирования многонационального государства. Максим Горький был убежден, что народы только через литературу могут познавать друг друга (Муратова, 1958, 51). И вообще, язык и литература были особыми, чуть ли не единственными областями,

¹³ Чингиз Гусейнов рассказывает о противоположном опыте при издании своих книг – в Москве печатался более острый материал, чем в Азербайджане, цензура в центре была слабее, чем на периферии (Гусейнов, 2014, 212).

¹⁴ Критически о понятии «литературоцентричность» пишет Кукулин (2014).

в которых грузины и другие национальные группы легитимно могли выразить свои национальные чувства (Maisuradze, Thun-Hohenstein, 2015, 76).

Итак, литературное поле в Советском Союзе было полностью идеологизировано. В характерной для литературы многозначности художественного произведения виделась угроза идеологической силе. А потому число толкований смыслов текстов старались сократить. И одним из орудий сдерживания был культ классиков.

Культ классиков

Как пишут Гудков и Дубин, советская литература и наука о ней были чрезвычайно каноничны и ориентированы на классиков (Гудков, Дубин, 2009, 185). Для литературных отношений между Россией и Грузией классики, конечно, особенно важны, так как карьера и творчество многих из них (Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Толстой) непосредственно связаны с Кавказом, управлявшимся в царское время из Тбилиси.

При взгляде на русскоязычные литературоведческие исследования советского периода в глаза бросается то, что представление о грузинской литературе и ее осмысление зачастую происходят посредством обращения к образованию русско-грузинских пар, не только Александра Грибоедова и Нины Чавчавадзе, но и пар произведений, писателей и поэтов. При этом такие пары – совершенно разного плана.

Например, в истории литературы соотносятся эпические, но абсолютно несхожие между собой шедевры, каждый из которых имеет символическое значение для своей литературы, – «Слово о полку Игореве» и «Витязь в тигровой шкуре». Или же соотносятся историческая значимость писателей – Александр Сергеевич Пушкин и Шота Руставели как народные гении. Другое известное противопоставление, Михаил Лермонтов – Николоз Бараташвили, было скомбинировано исходя из принадлежности эпохе и по типологическим признакам биографий и произведений.

В сопоставления преобразовывались и случаи личной дружбы/знакомства/идейной близости между грузинскими и русскими литераторами. Этим связям придавалась особо важная роль для осмысления литературных контактов конца XIX – начала XX в. В этом ключе можно назвать отношения Николая Чернышевского и Ильи Чавчавадзе, дружбу Паоло Яшвили и братьев Табидзе – Галактиона и Тициана – с Борисом Пастернаком. На основе переводческой деятельности сопоставлялись Николай Заболоцкий и Симон Чиковани, на основе дружбы и литературной деятельности – Николай Тихонов и Георгий Леонидзе, братья Чиладзе – Отар и Тамаз – и Белла Ахмадулина.

Принцип парного сопоставления не является случайностью. Он отражает специфически имперскую природу советского литературного дискурса: культура периферии осмысляется только через призму центра. К такому выводу приходит и Заза Абзианидзе – он говорит о подобных парах как о списке, который «можно продолжать до бесконечности» (Абзианидзе, 2008, 490).

Парная структура была мной замечена и в изобразительном искусстве. В качестве примера можно привести одну почтовую марку советского времени, на которой изображен памятник грузинскому романтику Николозу Бараташвили. Его силуэт, одежда, кудрявые волосы наталкивают на ассоциацию с памятником А. С. Пушкину в Санкт-Петербурге на площади Искусств.

Можно добавить, что риторика слова и риторика образа русско-грузинских литературных «пар» обретает мифологическую глубину и делает очевидной (обнаруживает) эмоциональную гармонию двух наций: с одной стороны, конкретизируя дружбу народов на примере индивидов, с другой – подчеркивая тем самым аффективную связь между русскими и грузинскими культурами по принципу представления поэта как метонимии своего народа.

Переводы

Обширный советский переводческий проект был инициирован убежденным в «единстве общечеловеческих чувств» (Муратова, 1958, 51), т. е. в универсализме человеческого опыта, Максимом Горьким. Он считал, что литература как выражение этого опыта принципиально переводима. Более того, как уже отмечалось, по убеждению Горького, переводы литературных произведений нужны были для сближения народов, не только внутри СССР, но и в мировом масштабе, для формирования «мировой литературы», которая в конечном счете должна была предшествовать образованию «интернационала духа» (ср.: Khotimsky, 2013, 138).

Убеждение Горького подтолкнуло к процессу подготовки широкого круга переводчиков. В первые годы после революции их профессиональная подготовка была поставлена на поток (Муратова, 1958, 52; Khotimsky, 2013, 130, 144–150) и обеспечена относительно солидными финансовыми ресурсами. В течение всего советского периода профессия оставалась престижной (Gould, 2012, 405) и нередко предоставляла писателям разных поколений, произведения которых не могли быть напечатаны, возможность заработать средства к существованию (Заболоцкий, Пастернак, Цветаева, Тарковский и др., ср.: Khotimsky, 2013, 130, 132). Усилия культурной политики в области переводов вели к тому, что советская индустрия переводов являлась крупнейшей в мире (Гудков, Дубин, 2009, 189), чем нередко славились деятели литературного интернационализма (Khotimsky, 2013, 139, 151). Важно обратить внимание на то, что в первую очередь переводились книги с русского языка на языки народов СССР и социалистических стран и наоборот. Грузинская же литература занимала не последнее место (Модебадзе, 2014, 262), а считалась особенно важной составляющей литературного пространства.

В Грузии была образована ставшая известной в советские времена Главная коллегия по художественному переводу и взаимосвязям между литературами (возглавлял ее Отар Нодия).

В Коллегии работали переводчики со всех кавказских языков. В журнале «Кавкасион», выходившем при Коллегии, публиковалось большое количество переведенных произведений.

Зачастую так складывалось, что в художественной прозе, а более того – в поэзии комбинировался взаимоперевод – также по парному принципу: известный русский писатель переводил известного грузинского писателя. Самый убедительный пример тому: Пастернак и Тициан Табидзе, отношения которых стали символизировать русско-грузинскую литературную дружбу (Абзианидзе, 2008, 488). Теневой стороной переводческого процесса, оставшейся вне поля зрения любителей литературы, являлось то, что русские поэты часто не знали грузинского языка и нуждались в поддержке (в отличие от грузинских коллег, которые, «естественно», все знали русский). Профессиональные переводчики, имена которых, правда, нигде не появлялись, подготавливали русским поэтам подстрочники (Абзианидзе, 2013; Witt, 2011), что являлось особенностью советского переводческого процесса, о неожиданных побочных эффектах которого – появлении «переводов» раньше публикации самих «оригиналов» произведений – пишет Чингиз Гусейнов (2014, 205). Далее подстрочники обсуждались поэтами-переводчиками с экспертами и самими грузинскими литераторами. Таким образом, советская литература казалась диалогом на вершинах Парнаса. Возникало впечатление, что поэты-переводчики занимались герменевтикой национального духа, внедряясь с помощью «чужих» (т. е. грузинских) элит (коллег-поэтов или литературоведов, историков культуры и т. д.) в другую культуру.

Литературоведение: кадры, темы и методы

В производстве и распределении не только литературного знания, но вообще в когнитивном моделировании народов, наряду с переводами, весьма важную роль играло (и продолжает играть) литературоведение, в частности сравнительное¹⁵. Для советского времени в литературоведческом процессе также сугубо важно отношение центр – периферия. На начальном этапе формирования сравнительного литературоведения в Грузии (имеется в виду сравнение русской и грузинской литератур) ведущими были филологи, получившие хотя бы часть образования в Москве или Ленинграде (Чхаидзе, 2015, 98–100). Там они освоили базовые знания и принципы формирования дисциплины, описанной Александром Михайловым как «пространство, середину которого занимает идеология» (Michailov, 1996, 376). Однако, какими бы парадоксальными ни были последствия традиционного идеологического контроля и литературоцентричности, они отразились на исследовании литературы и привели к тому, что профессиональные читатели-литературоведы, а также интеллигенция, которая привыкла к двойным кодам (Гудков, Дубин, 2009, 201), вопреки правилам научного дискурса, искали в литературоведческих текстах двойное дно и эзопов язык (Komaromi, 2015, 13). В некоторых случаях литературоведы сигнализировали читателю о скрываемой информации красноречивым молчанием, а порой живо играли потенциалом многозначности, тем самым постоянно испытывая границы идеологически допустимого (см. статью Филиной в наст. издании).

В Грузии, как и во всем СССР, исследования, лежавшие в области литературных взаимосвязей (связи русских классиков – Пушкин, Горький, Маяковский – с Грузией), были скрепой, удостоверяющей культурную спаянность. Это послужило причиной того, что исследования такого рода обретали характер центральных гуманитарных дисциплин (см.: Чхаидзе, 2015).

При этом для преобладающего послевоенного советского литературоведческого направления характерно теоретическое обращение к гегельянству Виссариона Белинского, которому

¹⁵ Грузино-русские связи в филологических дисциплинах были тесны и в классической филологии, и в индоевропейской лингвистике. Ученые старались осветить общую историю геополитического региона между Черным и Каспийским морями и реконструировать предысторию греческой Античности. Свидетельством этому может служить, например, труд Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (1984). По практическим причинам эта ветвь тематики здесь далее не исследуется.

в конкретной методологии противостоят позитивистские подходы: сбор фактов и описание произведений, их идеологически «правильное» толкование – чаще литературно-историческое, сопоставительное, типологическое, реже – теоретическое¹⁶. Такие подходы были социально и институционально легитимированными способами производства знания. Отклонения от них влекли за собой негативные санкции в адрес ученых (Соколов, Титаев, 2013, 253).

Еще одним важным моментом является вопрос устойчивости знаний при циркуляции их между центром и перифериями. Повторяли ли грузинские литературоведы и их труды «московское знание», или же грузинские исследователи переступили в своих трудах рамки, поставленные центром, тем самым предложив параллельный мир знания? Потому что, как было сказано выше, ученые, сформировавшие в Грузии направление исследования русско-грузинских литературных связей, получили свое образование в ведущих вузах центра, т. е. прежде всего в Москве и Ленинграде. По моим предположениям, грузинский язык, являющийся, наряду с русским, языком обучения, мог допустить возможность отклонения от канонического толкования литературы в русском тексте¹⁷.

В период ослабления цензуры «периферия» в лице Грузии переняла функцию культурного центра – студенты узнавали о творчестве (полу)запрещенных русских писателей. Следует в этом контексте упомянуть еще об одной инициативе – журнале «Литературная Грузия», в котором активно печатали русские переводы украинских, эстонских и других авторов (Абзианидзе, 2008, 5, 24), а также полузапрещенных в СССР авторов. Важная роль «моста» между литературными мирами Грузии и России принадлежала особо почитаемому критику, литературоведу и переводчику Георгию Маргвелашвили, который по окончании Литинститута им. М. Горького вернулся в Грузию. На протяжении долгих лет он являлся членом редколлегии журнала и знакомил с грузинскими поэтами и писателями всюсоюзную аудиторию, которая жадно читала «Литературную Грузию», ища в публикуемых там произведениях «спрятанное» политически релевантное знание.

Постсоветский период

Новые векторы развития в период национальной независимости

С начала перестройки вся система литературы и знания о ней изменились. Еще до реорганизации литератур по линиям национальных государств представления интеллигенции о собственной, якобы важной роли посредника между народом и «правдой» становились все больше анахронизмами (ср.: Яковенко, 2013, 301).

Ученые, которые раньше могли рассчитывать при соблюдении правил советского научного сообщества (Гудков, Дубин, 2009, 191) на скромное, но обеспеченное социальное положение, вдруг столкнулись с угрозой потери статуса (Гапова, 2011, 292) и с новыми требованиями. Польза науки переосмысливалась или же вообще ставилась под сомнение. Резко изменилось распределение интересов и приоритетов в сфере науки: гуманитарные (объясняющие) дисциплины потеряли престиж в пользу экономики, права и других более практически-прикладных наук. Научные темы теперь уже не инициировались административным путем (Яковенко, 2013, 301).

¹⁶ Из этого правила есть знаменитые исключения, например работы Михаила Бахтина или институционально значительно лучше обеспеченные московский структурализм и тартуская школа семиотики. Это самые значимые и экспортоспособные течения советской филологии, тем не менее (или поэтому?) маргинализированные внутри самой страны явления, а в тартуском случае – и не случайно локализованные на периферии государства.

¹⁷ Первые исследования, проведенные нами совместно с грузинской коллегой Белой Ципурия с целью определения характера грузинского обучения русской литературе, остались без четких выводов. Стоило бы подробнее проанализировать грузинские издания раннего периода.

А еще примечательнее стало то, что истинность знаний начала определяться разными конкурирующими мерами (Гапова, 2011, 292). Старая модель ее определения была вынуждена сосуществовать с новой, причем центры-источники получения знаний передвинулись.

В постсоветский период на первый план начало выходить ранее табуированное западное знание, известное сначала весьма узкому кругу исследователей. В 1990-х гг. обладающие упомянутыми знаниями смогли их капитализировать (Там же, 303). Лица, которые до распада СССР имели доступ к международному рынку науки и успели выучить западные языки, теперь сделали карьеру. К ним присоединились новые молодые элиты, получившие образование за рубежом, освоившие западные языковые, культурные и методологические навыки. После возвращения из-за границы – хотя многие вообще остались за рубежом – обе группы ученых (старая и новая) стали существовать в параллельных мирах (Там же, 304), публиковаться в разных журналах, доверять разным типам академического сертифицирования. Обе группы даже стали по-разному отвечать на вопрос о сущности знания и науки (Там же, 305).

На сегодняшний день во многих постсоциалистических странах обозначенная раздвоенность проявляется и в параллельно существующих академических институтах, а именно новооснованных университетах, которые конкурируют со старыми. Новые университеты, как правило, указывают на свою интернациональную/международную (имеется в виду: западную) учебно-исследовательскую программу. К ним относятся: Киево-Могилянская академия, Европейские университеты в Санкт-Петербурге и Минске, ныне в Вильнюсе и, конечно, Университет им. Ильи Чавчавадзе в Тбилиси.

Изучение русской и грузинской литературы в сравнительном ключе, что образовывало ранее скрепу гуманитарных дисциплин в Грузии, подверглось большим изменениям. Из самой собой разумеющейся релевантной академической дисциплины, поддерживавшейся государственным порядком, оно превратилось в маргинальную научную область, вынужденную обороняться. При изменившихся обстоятельствах его политическая вовлеченность обрела иную окраску. То, что в советское время было приоритетом, подверглось переоценке. Межнациональные отношения с Россией могли восприниматься как враждебный имперский проект (правда, это ощущение существовало и раньше, но было скрыто или закамуфлировано идеологическим давлением или мифом о дружбе народов).

Примером «обороны» является биография литературоведа-русиста Игоря Семеновича Богомоллова, опубликовавшего целый ряд работ о дружеском сосуществовании грузинской и русской литературы. Его деятельность как пропагандиста русской культуры в Грузии переносилась не только из научной сферы в политическую, но и из одной независимой страны в другую (Россия и Грузия). Для того чтобы сохранить область деятельности, которой занимались он и его коллеги, Богомоллов становится членом грузинского парламента в период Эдуарда Шеварднадзе и, одновременно, членом Совета соотечественников при Государственной думе Российской Федерации. В тот же период Богомоллов основывает русское культурно-просветительское общество Грузии, представляющее интересы русского нацменьшинства. Как и прежде, русистика и политика остаются переплетенными, однако в иных функциональных контекстах.

Схожий процесс переоценки гуманитарных дисциплин протекает и в России. И здесь исследователи были вынуждены пересмотреть свой канон и методологические ориентиры и, что еще важнее, заново определить границы той культуры, которая теперь представляет собой изучаемый предмет.

После распада СССР знание о переплетении русской культуры и литературы с культурами других наций и этнических групп стало неприоритетным, неподходящим и не востребованным. Российская академия наук и ИМЛИ как один из ее научно-исследовательских институтов особенно в последние годы стали опасаться за свой статус самой значимой академической институции страны. Например, в ИМЛИ на распад СССР отреагировали разделением отдела «Совет-

ской литературы» на две части: на отдел, в котором изучают «новейшую русскую литературу и литературу русского зарубежья» (включая русскоязычную литературу бывших республик), и отдел «литературы народов России и СНГ». Последний определяет свою миссию следующим образом: «Изучение истории и теории литератур народов России и СНГ в региональном и в международном контексте культурных и общественных отношений; теоретическая разработка проблем классического наследия, национальной самобытности литератур, в том числе литератур диаспоры и эмиграции»¹⁸.

Таким образом, русскоязычная литература на русско-грузинскую тематику может найти свое место в первом названном отделе, но в ИМЛИ она остается без грузинской стороны, так как Грузия после войны 2008 г. вышла из СНГ, и следствием этого стало то, что в сферу деятельности второго отдела грузинская литература не входит. Научный штат отдела весьма ограничен, и даже несмотря на то, как буквально воспринимается правило о принадлежности к СНГ, интенсивность изучения литератур народов России и СНГ очень неровно распределена по территории России.

При этом литературный материал, которым могли бы заниматься в обоих отделах и на русском, и на грузинском, и на других языках, в частности по тематике российско-грузинских отношений, растет с каждым днем и требует более глубокого взгляда на культурный процесс и переосмысление отношений двух стран в последние годы.

Грузинская русистика после независимости

В 1990-х гг., вследствие глубокого экономического и политического кризиса, начались ограничения или прекращение финансирования тех, кто занимался русско-грузинскими литературными отношениями: университетов, музеев, издательств. Как ни парадоксально, именно в тот период, когда появилась возможность публиковать даже самый политически взрывной литературный или литературоведческий материал, из-за социально-экономического кризиса научные труды интересовали весьма малый круг людей. Издатели и авторы исследований должны были оплачивать свои публикации самостоятельно, как предмет сугубо личного интереса. Вопреки трудностям филологи продолжали публикационную деятельность, выходили сборники и статьи (Чхаидзе, 2015, 107–108).

Бросается в глаза то, что в грузинской русистике в эти годы произошел авторефлексивный поворот. Усилившееся ощущение конца эпохи (литературоведческой, и не только) подтолкнуло к статьям, в которых описывалась и изучалась работа предшественников. Шел процесс осмысления прошлого собственной дисциплины.

Кроме того, другой особенностью времени явилось весьма критическое отношение к укрепленному советским литературоведением мифу о дружбе между Россией и Грузией, и не только литературной. Примером служат работы Нодара Поракишвили, который собирает и анализирует русскоязычные тексты, враждебные по отношению к Грузии и грузинам (например: Поракишвили, 2006).

Грузинский национальный дискурс, старание приблизиться к Евросоюзу и войти в НАТО, войны с Россией составили политический контекст 1990-х и 2000-х гг. Русистика в полной мере ощутила последствия времени. Если вскользь вспомнить о среднем образовании, то падающий спрос и антирусские настроения способствовали закрытию русских школ и других секторов образования и науки в Грузии. Русский язык был поставлен на одну ступень с другими иностранными языками – в рамки ранее неизвестной ему конкуренции.

Переориентация глубоко повлияла на процесс переводов. Как пишет Ирина Модебадзе, сегодня переводят непосредственно с и на западноевропейские языки (Модебадзе, 2014, 262,

¹⁸ Исследовательская работа отдела (Отдел литератур народов России и СНГ) // Сайт ИМЛИ РАН, 2017 (<http://imli.ru/index.php/otdel-literatur-narodov-rossii-i-sng/1511-issledovatel'skaya-rabota-otdela>).

264). Русский перестал играть роль проводника и посредника (т. е. языка, через призму которого воспринимается еще не переведенная литература). Переводится на русский с грузинского очень мало. Единственный автор, который нашел свою дорогу к российским читателям, – Заза Бурчуладзе (см. статью Уффельманна в наст. издании).

Для части грузинской элиты проблема дефицита переводов прозрачна. И для маленькой страны вполне очевидно, что переводы являются необходимостью. Поэтому государство содействует переводческому процессу посредством культурной политики (Там же, 261), и этот процесс поддерживают и негосударственные организации (как, например, фонд «Карту» Бидзины Иванишвили).

Полное реформатирование системы знания в Грузии было приведено в исполнение и в образовательном секторе. Особенно глубокие изменения произошли из-за реформ 2003 г. (времена Саакашвили): английский, а не русский язык стал главным иностранным языком всего образовательного процесса, начиная с младших классов. Система высшего образования была реформирована в соответствии с Болонской декларацией (дипломы бакалавра и магистра).

Грузинская русистика превратилась в одну из иностранных филологий. Степень изменения отношения к предмету видна из двух наблюдений: обучение филологов-русистов, которое раньше проходило на русском, сейчас проходит чаще всего на грузинском языке. В пространственном порядке новые иерархии еще виднее: исследователи русского языка и литературы ранее работали в главном корпусе университета, а сейчас переехали в гораздо менее престижный VIII корпус.

Новый, основанный в 2006 г. Университет Ильи (Ilia State University), в отличие от Университета им. И. Джавахишвили, разделен не на факультеты, а на школы/«schools». Ни славистика, ни русистика в нем не существуют как отдельные административные единицы или как заявленные учебные предметы. Те ученые, которые касаются русской или русскоязычной советской культуры, например, в компаративистских контекстах, активно применяют западную научную литературу и методологию.

По отношению к теме русско-грузинских (не только литературных) связей особый интерес представляют постколониальные и постимперские подходы, так как в отношениях между этими двумя культурами силы почти всегда были распределены асимметрично, а из описанного выше влияния политического порядка на литературный процесс становится явным, насколько значительна была эта роль в советский период. Постколониальные или постимперские методологии в России и Грузии, несомненно, являются составляющими нового порядка знания, импортированного с Запада в рамках англоязычных культурологических исследований (cultural studies). Подобные процессы транснационализации науки описывают Даннеберг и Шонерт (Danneberg, Schönert, 1996, 61). Они указывают на ключевую роль рецепционных и методологических привычек, ослепляющих ученых, и о сложных процессах гибридизации при заимствовании иностранных тем и методов в науке, которые в конце концов могут привести к принятию новых способов описания и осмысления мира.

Сравнительный взгляд по отношению к России и Грузии иллюстрирует различие социальных контекстов в двух странах. В России постколониальные штудии (исследования) приживаются нерешительно, появляются работы прежде всего в ориентированных на Запад столичных кругах. Главная причина нерешительности явно лежит в колебании оценки: Россия – колонизатор или же жертва колонизации со стороны западной цивилизации (Tlostanova, 2006). Болезненный вопрос о возможной вине по отношению к бывшим, не совсем равным, братским народам способствует отклонению от быстрой рецепции данной методологии. В Грузии же, по моему впечатлению, постколониальные исследования быстро вошли в силу и используются как легитимный способ нового осмысления культурного и литературного наследия.

Однако важно отметить, что это относится больше всего к пониманию собственного самосознания как колонизированной культуры. Совсем не заметила я интереса к постколониальному взгляду на собственных субалтернов (абхазская, осетинская культуры в их соотношении к грузинской).

Таким образом, принятие постколониального подхода связано с методологической ориентацией на Запад, т. е. с отношением к новому центру, который заменяет Москву. Постколониализм мог найти свой путь в академический мир Грузии по причине легкой сочетаемости с национальным дискурсом. Он проявился с новой политической силой после распада СССР, хотя наблюдался также и ранее в советской национальной политике, но в иной, считавшейся терпимой форме.

Русско-грузинские литературные отношения и связанный с ними корпус научной литературы – сокровище для культурных исследований постсоциалистического пространства. Не только сами многогранные литературные связи между Россией / Советским Союзом и Грузией, но и накопленный за советский и постсоветский периоды пласт научной литературы ждут нового описания и понимания.

Библиография

Абзианидзе З. (2008) Нетускнеющий образ // Литературная Грузия: юбилейный сборник 1957–2007. Тбилиси: Интелекти. С. 353–359.

Абзианидзе З. (2013) Интервью / Беседовала Елена Чхаидзе. 27 ноября. (Архив Е. Чхаидзе).

Беставашивили А. (2008) Век любви // Литературная Грузия: юбилейный сборник 1957–2007. Тбилиси: Интелекти. С. 385–387.

Гапова Е. (2011) Национальное знание и международное признание: постсоветская академия в борьбе за символические рынки // *Ab Imperio*. № 4. С. 289–323.

Гудков Л., Дубин Б. (2009) Интеллигенция. Заметки о литературно-политических иллюзиях. СПб.: Иван Лимбах.

Гусейнов Г., Драгунский Д. (1990) Ожог родного очага. М.: Прогресс.

Гусейнов Ч. (2014) К вопросу о «русскости» нерусских // *Дружба народов*. № 4. С. 204–224.

Данелиа С. (1956) Статьи о русской литературе. Тбилиси: Изд-во научно-методического кабинета.

Кларк К., Тиханов Г. (2011) Советские литературные теории 1930-х годов: В поисках границ современности // Добренко Е., Тиханов Г. (Ред.) История русской литературной критики. Советская и постсоветская эпохи. М.: НЛО. С. 280–334.

Кондаков И. (2008) По ту сторону слова. Кризис литературоцентризма в России XX – XXI вв. // *Вопросы литературы*. № 5. С. 5–44.

Кукулин И. (2014) Увенчание и развенчание идеологического мифа в мистериальном театре Д. А. Пригова // Ковтун Н. (Ред.) Кризис литературоцентризма. Утрата идентичности vs. новые возможности. М.: Флинта. С. 27–43.

Ломидзе Г. (1960) Единство и многообразие. М.: Советский писатель.

Модебадзе И. (2014) Перевод современной грузинской литературы на иностранные языки: постсоветский опыт // *Studi Slavistici*. № xi. С. 257–272.

Муратова Кс. (1958) Максим Горький в борьбе за развитие советской литературы. М.: Изд-во АН СССР.

Орбели Р. Р. (1972) Кавказоведение // Азиатский музей – Ленинградское отделение института востоковедения АН СССР. М.: Наука. С. 468–499.

Поракишвили Т. (2002) Пушкиноведческие заметки // Богомолов И. (Ред.) Актуальные вопросы межнациональных филологических общений. Тбилиси: Изд-во ТГУ. С. 151–165.

Поракишвили Н., Гогиашивили О. (2006) Эпидемия идиотизма: О незанимательной грузинофобии и не только о ней. Тбилиси: Универсал.

Соколов М., Титаев К. (2013) Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. № 19. С. 139–273.

Страницы отечественного кавказоведения (1992) / [Ю. Д. Анчабадзе, Н. Г. Волкова, В. П. Кобычев и др.]; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука; цит. по: Сайт «Научное общество кавказоведов». 2011. 10.11. (<http://www.kavkazoved.info/news/2011/11/10/stranicy-otechestvennogo-kavkazovedeniya-ii.html>).

Чхаидзе Е. (2015) Политика и исследование русско-грузинских литературных связей в Грузии: с советского периода по постсоветский // Toronto Slavic Quarterly. № 53. С. 92–112.

Яковенко И. (2013) Мир через призму культуры. Культурология и руссиеведение. М.: Знание.

Danneberg L., Schönert J. (1996) Zur Internationalität und Internationalisierung von Wissenschaft // Danneberg L., Vollhardt F. (Hrsg.) Wie international ist die Literaturwissenschaft. Methoden- und Theoriediskussion in den Literaturwissenschaften: kulturelle Besonderheiten und interkultureller Austausch am Beispiel des Interpretationsproblems (1950–1990). Stuttgart, Weimar: Metzler. S. 7–85.

Gould R. (2012) World Literature as a Communal Apartment: Semyon Lipkin's Ethik of Translational Difference // Translation and Literature. № 21. P. 402–421.

Khotimsky M. (2013) World Literature, Soviet Style: A Forgotten Episode in the History of the Idea // Ab Imperio. № 3. P. 119–155.

Komaromi A. (2015) Uncensored. Samizdat Novels and the Quest for Autonomy in Soviet Dissidence. Evanston: Northwestern University Press.

Layton S. (1994) Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. Cambridge: Cambridge University Press.

Maisuradze G., Thun-Hohenstein F. (2015) Sonniges Georgien. Figuren des Nationalen im Sowjetimperium. Berlin: Kadmos.

Martin T. (2001) The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press.

Michailov A. (1996) Interpretieren und Verstehen vor dem Erfahrungshintergrund der russischen Literaturwissenschaft // Danneberg L., Vollhardt F. (Hrsg.) Wie international ist die Literaturwissenschaft. Methoden- und Theoriediskussion in den Literaturwissenschaften: kulturelle Besonderheiten und interkultureller Austausch am Beispiel des Interpretationsproblems (1950–1990). Stuttgart, Weimar: Metzler. S. 374–395.

Slezkine Yu. (1994) The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. Vol. 53. № 2 (Summer). P. 414–452.

Tlostanova M. (2006) The Imagined Freedom: Post-Soviet Intellectuals between the Hegemony of the State and the Hegemony of the Market // South Atlantic Quarterly. 105:3. Summer 2006. P. 637–659.

Witt S. (2011) Between the Lines: Totalitarianism and Translation in the USSR // Baer B. (Ed.) Contexts, Subtexts, and Pretexts: Literary Translation in Eastern Europe and Russia. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Pub. P. 149–170.

Грузинский акцент в русском дискурсе позднесоветской и первой четверти века постсоветской эпохи¹⁹

Гасан Гусейнов

Советское языковое пространство представляло собой сложную ткань, в которой доминировал русский язык. Но и он подвергался влияниям. Фетишизированный литературный (нормативный или стандартный) русский был «подпорчен» разными акцентами, с которыми говорили многие представители советского политического и культурного правящего класса, или элиты, как говорят теперь. Социолингвистические исследования, проведенные в США на американском материале, продемонстрировали, что борьба с акцентами является важным элементом дискурса власти. Преодоление акцентов играет важную роль в разграничении социальных групп. Росина Липпи-Грин полагает, что стандартный язык – это миф: не существует языка без акцента, но и отсутствие акцента – это тоже акцент. В языке сосуществуют разные звуковые вариации. Акцент служит лакмусовой бумагой, или шиболетом, для исключения из определенной социальной группы, оправданием этого исключения и отказа признания другими (Lipri-Green, 1997, 64). Он (говор, диалектная окраска речи) является важной составляющей русского имперства, его можно считать эфемерной идеологемой и сложным культурным инструментом, пока анализируемым в основном попутно, но уже ставшим предметом специального изучения. Идеологическую роль акценты в политической истории России приобрели только в советское время, когда власти получили возможность обратиться к своим подданным с помощью радио, кино и граммофонной пластинки. Уже индивидуальные особенности выговора Ленина самым тщательным образом воспроизводились и даже утрировались в советском театре и кино. То, что делалось в порядке сохранения так называемых *драгоценных черт образа любимого Ильича*, в том числе его косноязычия и, например, неспособности выговаривать букву «р», – сознанию современников могло представляться как специфически «еврейская» картавость²⁰ вождя мирового пролетариата. Так называемый еврейский акцент после 1917 г. воспринимался значительной частью образованной России именно как акцент новой власти.

[1/14 сентября 1929] В Музей заявился товарищ Стеклов за книгой, и таким образом в моей небольшой коллекции личных большевических впечатлений прибавилось еще одно звено. Это плотный, высокий жид, которого выдает не тип, но акцент.

6/19 октября. Был приглашен в «Наркомат Внеш. Торг.» по вопросу распределения книг, приобретенных в Англии «товарищем Красиным». Был в обществе Кауфмана, Леви, Френкеля и Каценеленбаума и еще одной Ривки. Это ли не Россия?! Нужно, впрочем, отдать им справедливость, что они рассуждают более здраво, нежели тов. Покровский. Сегодня был в Наркомпросе у жида [З. Г.] Гринберга, который положительно произвел на меня хорошее впечатление. Толковый и благожелательный человек; петербуржцы недаром о нем хорошего мнения. Но, Боже, какой акцент! (Готье, 1993, 142, 144)

В первые десятилетия после революции мало кто из высших советских руководителей говорил без акцента – грузинского (Сталин, Орджоникидзе), армянского (Микоян), украин-

¹⁹ За ценные советы и критические замечания приношу глубокую благодарность Мирье Лекке и Елене Чхаидзе (Рурский университет, Бохум).

²⁰ «Пукать надо чуть картаво, с еврейским акцентом» (Ерофеев, 1995, 301).

ского (Каганович). За неимением достоверных источников трудно теперь установить, в какой мере именно официальный лозунг интернационализма отражался таким образом в повседневной политической практике. Лишь во время Второй мировой войны, когда официальная линия усвоила черты русской национальной идеологии, подвергся фонетической ретуши главный голос страны: так, на смену актеру Геловани, игравшему канонизированного Сталина с грузинским акцентом, пришел актер Алексей Дикий, говоривший в соответствии с правилами московской театральной школы, которые распространялись на все русские радио- и телевещательные каналы.

Инородные (инородческие) акценты в русской речи по возможности не допускались в систему массовых коммуникаций, так что русская речь всегда звучала по радио как голос Москвы. Так, одним из главных героев кинофильма О. Иоселиани «Листопад» (1966), где события в грузинском городке разыгрываются на фоне постоянно вещающей на московском русском языке радиоточки, оказывается этот невидимый и чужой московский акцент, представляющий нелепостью в Грузии. Прежде чем сказать о собственно грузинском акценте как идеологеме, рассмотрим его в контексте других политически и культурно значимых акцентов.

Появление персонажа с акцентом в средствах массовой информации нуждалось в советский период в специальном оправдании. Кавказскими акцентами воспроизводились характерологические признаки в диапазоне от безрассудства и сумасбродства до глупости и похотливости; украинским акцентом, суржи́ком или южнорусским говором – простонародность (как, например, в парном конферансе киевлян Тарапу́нки и Штепсе́ля); после водворения генеральным секретарем ЦК КПСС Брежнева южнорусский говор и похожий на него украинский акцент озвучили чиновную тупость. Еврейский акцент отсутствовал в кинематографе, но, наряду с кавказским или украинским, был широко представлен в устной словесности – анекдоте и хохме²¹. Но почему акцент вызывает смех? Одно из объяснений предлагает Сюзанне Мюльайзен. Она связывает акцент с явлением мимикрии, основываясь на исследованиях Фрейда и Хоми Бабы. Первый видит в мимикрии, наряду с карикатурой и пародией, акт подражания с целью обличения, но не в ярко выраженной форме, а второй связывает мимикрию с процессом выживания подвластного, который подражает властвующему. Таким образом, «инородцы» (в нашем случае: чукчи, евреи, грузины), которых высмеивают в анекдотах, предстают субъектами подражания образу «властителя» (правильно говорящих по-русски), а их неумелая мимикрия подвергается осмеянию (Mühleisen, 2005, 228–230).

Некоторые характерные, но малопопулярные произведения эфемерных жанров, в которых запечатлен дискурс власти и сопротивления, до сих пор почти не зафиксированы. Так, в конце 1940-х гг., когда пошли слухи о введении платного высшего образования, появился анекдот о том, как представители разных народов откликнулись на это нововведение; родители послали своим детям-студентам следующие телеграммы:

Украинец: Опанас, вертайся до нас, будешь свинопас!

Азербайджанец: Мамед, пул йохтур [денег нет]! Приезжай Баку – будешь дохтур!

Еврей: Абрам, сиди на месте: выслали двести.

Разумеется, каждая реплика читалась с соответствующим акцентом.

Анекдот, возникший в многонациональной среде студенческого общежития МГУ на Стромынке в Москве, передает тогдашнюю атмосферу «дружбы народов», не мешавшей появ-

²¹ Ср.: «Она влюбилась в него, а он только и умеет что говорить: „Техника на грани фантастики“, „Ключ от квартиры, где деньги лежат“ – да рассказывать еврейские и армянские анекдоты... Она не в состоянии не ненавидеть его» (Аржак [Даниэль], 1962, 273); «Как отвратительны наши писательские встречи. Никто не говорит о своем – о самом дорогом и заветном. При встречах очень много смеются – пир во время чумы – рассказывают анекдоты, уклоняются от сколько-нибудь серьезных бесед» (запись от 07.12.1957; Чуковский, 2003, 260). См. также: (Sacks, 1974, 337–353).

лению негативно спланивавшего сообщество «националов» антисемитизма: карикатурный еврей, очевидно, оказывается единственным, кто готов справиться с новыми условиями жизни.

Кроме этих основных акцентов послереволюционной России можно указать на идеологически окрашенные как «западный» или «заграничный» польский и прибалтийские акценты (на эстраде 1960–1970-х гг. это, например, голос певицы Эдиты Пьехи), а также карикатурный японский и фонетически тождественный ему в устной словесности чукотский акценты. Оба последних были семантически полярны: носитель японского акцента – это, как правило, наивный представитель гораздо более развитой цивилизации; носитель карикатурного чукотского акцента, иногда представленного частым употреблением слова «однако»²², – воплощение тупости в высшей мере²³.

Шовинистическая идеологическая окраска вполне обнаружилась и была отчасти зафиксирована в книжном виде лишь с начала 1990-х гг., когда появились соответствующие сборники анекдотов, да и вся тема перестала быть запретной. Только благодаря публикациям Новейшего времени в русском обществе появилась возможность почувствовать напряжение и действенность шовинистических представлений даже у самых выдающихся представителей русской интеллигенции²⁴. Вместе с тем снятие преград с высказывания сколь угодно острой неприязни к представителям другого народа или языка стало приводить к межкультурным трениям второго порядка, вызванным почти исключительно пренебрежительным отношением бывшего «старшего брата» к «младшим братьям» – носителям так называвшихся в СССР национальных языков. Так, в обстановке очередного обострения словесного конфликта вокруг культурно-государственного суверенитета Крыма в газетах России начала 1990-х гг. появились публикации, противопоставлявшие «украинскую мову» «нормальному», т. е. русскому, языку²⁵.

Значимость самой этой проблематики проявилась тотчас за распадом СССР, когда с политической сцены России ушли люди, говорившие с сильным акцентом²⁶. Процедура скрадывания акцента для достижения признания в качестве своего вполне осознана постсоветским русским дискурсом. Вот как писал Дмитрий Быков об одном из перебравшихся в Москву шоуменов:

Ценнейшее приобретение ОРТ – Валдис Пельш. Это гомерически смешной и патологически серьезный человек, почерпнутый для ведения

²² «Скандал с „АУМ Синрике“ и избивание католиков на Малой Грузинской – события прискорбные. Дела нешуточные. И все же, услышав и о том, и о другом (а еще и о насилии, примененном „людьми при исполнении“ к буддийским монахам, участникам марша протеста солдатских матерей в Чечне) буквально на одной неделе марта, я вспомнил анекдот из „чукотского цикла“ – про знатного оленевода, созерцавшего целый час паденье в пропасть, одного за другим, особой вверенного ему стада и излившего свои чувства в двух словах: „Тенденция, однако!“» (Поздняев, 1995). Автор имеет в виду анекдот: «Сидит чукча в чуме, читает газету „Правда“ с материалами съезда. Вбегает человек: „Чукча! Там твой олень в пропасть прыгнул!“ Чукча не отрывается от газеты. Вбегает второй человек: „Там два твоих оленя в пропасть прыгнули!“ Чукча спокойно читает газету. Вбегает третий: „Там все твоё стадо в пропасть прыгнуло!“ Чукча меланхолично: „Однако, тен-ден-ция“» (цит. по: Анекдоты наших читателей. Вып. 3 [№ 4]. М.: Студенческий меридиан, 1994. С. 19).

²³ См. раздел «Чукча, однако» в кн.: (Жириновский, 1994, 38–39).

²⁴ Так, об украинофобии русской поэтессы и украинки по происхождению Анны Ахматовой (брезгливо отвергавшей, например, антисемитизм) пишет Лидия Чуковская: «Я спросила, любит ли она Шевченко. // – Нет. У меня в Киеве была очень тяжелая жизнь, и я страну ту не полюбила и язык... „Мамо“, „ходимо“, – она поморщилась, – не люблю. // Меня взорвало это пренебрежение. // – Но Шевченко ведь поэт ростом с Мицкевича! – сказала я. // Она не ответила» (15.10.1939; Чуковская, 1997, 54).

²⁵ «Симферополь („Крымформ“). Президиум парламента Крыма вынес окончательный вердикт: сериал „Санта-Барбара“, как и все прочие горячо любимые народом „мыльные оперы“, должен транслироваться только на русском языке. Для меня звучит дико, сказала при обсуждении одной из эпохальнейших для Крыма и Украины в целом проблем женщина-депутат, когда герой говорит героине: „Я так тэбэ кохаю“ вместо нормального „Я так тебя люблю“. Украинское ТВ нашло огромные деньги на передублирование сериала с русского на „мову“, теперь парламентарии полуострова будут искать неменьшие, чтобы возвратить Сиси и его семейку в привычное „языковое поле“» («Я так тэбэ кохаю», 1995).

²⁶ Прежде всего, министр иностранных дел в правительстве Э. А. Шеварднадзе, вернувшийся в Грузию.

программы «Угадай мелодию» из чудесной команды А. Кортнева «Несчастный случай». В шоу «Случая» он честно изображал прибалта, каким и является, – но прибалта гипертрофированного, с чудовищным акцентом и невозмутимым фейсом горяч-чего эстонского паарня. Теперь Пельш и говорит без акцента и, умудряясь оставаться серьезным, со множеством полужаметных подколов ведет последний проект Листьева – «Угадай мелодию» (Быков, 1995, 13).

Чувство обиды за отвергнутую колониями державу отзывается не только в устной словесности, но и в политических заявлениях. Форсируемый акцент – вполне в духе вышеописанной официальной тенденции ограждения от него русской системы телерадиовещания – неожиданно сделался знаком предательства:

Чем скорее ближнезарубежные господа новые демократы, вмиг забывшие русский язык (помните, как почти все лидеры – Кравчук, Горбунов и др. – враз заговорили по-русски с сильным акцентом?), перестанут учить ему [русскому языку] нас – тем лучше.

А то ведь эта болезнь уже становится заразной – уже в самой России Калмыкия принимает решение о том, что она теперь по-русски будет называться «Халыг Тангч», Башкирия – «Башкортостан» (Бухвалов, 1994, 11).

Любопытно, что определенные этнические группы, легко усваивающие русскую разговорную речь, тоже могут дожидаться от носителей языка обвинений в этнокультурном двурушничестве. Так, судя по некоторым сообщениям, еврейский акцент часто сливался в сознании великороссов с южнорусским или одесским говорами, но в целом по степени социальной значимости он быстро уступил свое место другим акцентам. Писатель-почвенник, вспоминая свои студенческие годы, пишет об особенностях межэтнических отношений во время «оттепели»:

В университете в одной со мной группе учились Арнштам и Балцвиник; их еврейство воспринималось нами как некое чудачество, прозвище для подтрунивания. Особенность психического склада Арнштама и Балцвиника ровно ничего не значила для нас, поскольку Арнштам и Балцвиник утратили территориальную, экономическую, культурную, языковую общность с другими евреями, обрели общность с нами, стали наши. В группе были еще эстонец, азербайджанец, украинка, белорус, болгарин – тоже наши, но с акцентами в речи; Арнштам с Балцвиником говорили, как мы. Наш «антисемитизм» проявлялся разве что в юморе (Горышин, 1994, 166–167).

Украинский акцент принял на себя в постсоветском русском дискурсе в России роль означивателя взаимоисключающих для общественного сознания концептов – как советского централизованного правления (а), так и сепаратистских устремлений других республик СССР (б)²⁷:

(а) Власти не заставили партийных функционеров покаяться, не поставили их на колени, вот они и пакостят, как только могут. И не найдет с ними мира наш президент. Пусть лучше об этом и не мечтает, а берет хорошую метлу и выгребают из своей конюшни всевозможных «патриотов» своих собственных желудков. А то они вновь запели соловьями и, весьма возможно, скоро *поведут нас по сталинскому шляху* (Клюковкин, 1994, 2–3).

²⁷ См. об этом подробнее: (Гусейнов, 1992; Каграманов, 1993; Свобода, карбованец и Крым, 1994; Затонский, 1994; Коваленко, 1994; Алпатов, 1994; Руденко, 1994); см. также: (Heinrich, 1995, 187) – о *хохло́бáксах* – украинских карбованцах.

Раскулачивания шли по «указивкам»²⁸ сверху – сколько должно быть кулаков в том или ином месте (Игошев, 1994, 185).

Мы отвыкли бегать за разрешениями хоть на какую площадь, мы отвыкли смотреть в рот главному редактору, ожидая судьбоносных *указивок*. И цензоров в Китайском проезде давно уже нет (Черкизов, 1996, 87).

(б) Совет Федерации едва не конституировался как *самостийный орган* (Новиков, 1993).

Галдящая и неорганизованная толпа «*самостийных батьков*» пытается подобраться с левого фланга к рычагам власти, при этом нещадно топча друг друга и постоянно ввязываясь в разборки между собой. Стыд на весь белый свет! (Лебедь, 1995).

[В кабинете председателя Насиминского исполкома Баку] стоял сильный шум на чистом азербайджанском языке. Преобладали голоса двух замов. О чем шел крик, не знаю, ни один из моих солдат азербайджанскую мову «*не розумил*» <...> (Лебедь, 1995, 190).

Маргарет Тэтчер ненавидит чиновников и бюрократию, особенно бюрократию в Брюсселе. Много раз жаловалась мне на Европейское Сообщество. Выступает за «*самостийную*» Великобританию (Немцов, 1997, 104). (Подчеркнуто мной. – Г. Г.)

Тот факт, что именно политики столь высокого ранга, как Лебедь и Немцов, начитав на магнитофон свои произведения, не спрятали растворенные в атмосфере страны шовинистические проговорки и оставили их в окончательной редакции, говорит о высокой степени привычности, усвоенности отношения к акценту как к идеологеме. Совсем другая культурно-языковая ситуация сложилась в Украине, где русский язык долго и неуклонно сокращал области применения украинского языка, вытесняя последний в быт и фольклор; ползучий характер противоборства обоих языков привел к тому, что расширилась область применения суржика – смешанного русско-украинского говора²⁹. Ясно, что дальнейшее сосуществование России и Украины в одном государстве привело бы к такому же ослаблению и постепенному вымиранию украинского языка, как это фактически происходит в Белоруссии, где большая часть населения полностью перешла на русский язык, сохранив лишь элементы акцента.

Жители обеих столиц часто склонны считать «провинциальный» говор собеседников выражением культурной неполноценности, что вызывало и вызывает сильную ответную реакцию³⁰.

У грузинского акцента в этом контексте первых постсоветских десятилетий роль была другой. Прежде всего, в раннесоветское время, когда к власти только-только пришел Сталин, так называемые инородческие акценты не воспринимались как что-то особенное – в силу многонационального характера правящей силы. Но уже Ленин опасался, что специфический

²⁸ Ср. традиционную русскую форму «жить по указке»: «В Голландии, в Амстердаме, меня хорошо встретили и разместили в небольшом уютеньком отеле, но никакой бумаги, никаких программ мне не вручили, и я, привыкший жить по указке и согласно плану, на котором указано: когда спать ложиться, когда вставать, когда завтракать, обедать, какие и где мероприятия проводить, – несколько даже растерялся от такой воли» (Астафьев, 1993, 112).

²⁹ «Есть острая необходимость в создании нового поколения учебников для распространения украинского литературного языка. При этом крайне важно не допустить дальнейшего расползания „суржика“, глубоко изучить границы возможного проникновения и взаимодействия близкородственных языков в процессе их контактирования, пропагандировать и прививать литературные нормы этих языков» (Матвеев, 1989, 11–12).

³⁰ Так, в воспоминаниях украинского писателя о Викторе Некрасове читаем: «Десять лет прошло с тех пор, как умер в изгнании Виктор Некрасов, русский писатель, украинский гражданин <...> Он был патриотом Киева, с его вечным украинским очарованием <...> В языке Некрасова не было этого милого украинского акцента, какой сохранил во всех чужбинах Николай Бердяев. При всей своей русскости, язык Некрасова звучал в унисон с украинским, всегда был несовместимым с официальной фальшью» (Евгений Сверстюк. Отчий дом Виктора Некрасова // *Mirror Weekly*. 01.03.1997; https://zn.ua/SOCIETY/otchiy_dom_viktora_nekrasova.html).

«нерусский выговор» может оказаться слабым местом самых выдающихся деятелей партии, в особенности ораторов. Так, Ленин всячески предостерегал от выступлений Льва Троцкого – из опасений, как бы Троцкий не вызвал антисемитской реакции.

У грузинского акцента, наоборот, первоначально сложилась не столь печальная судьба. Лишь после Великой Отечественной войны Сталин приступил к политике русской национализации. Именно тогда, как уже было сказано, вместо актера Геловани, игравшего Сталина в более документальной манере – как грузина и с акцентом, сменил Алексей Дикий, говоривший по-русски без малейшего намека на грузинский акцент.

Однако, несмотря на официальную политику русификации, в обиходе грузинский акцент не перешел из-за этого в разряд «нелюбимых» или «неприятных». Наоборот, судя по сравнительно редким литературным примерам³¹, речь идет либо о заведомо дружественном акценте самого Сталина, либо о шутливо воспринимаемом признаке гостеприимного человека, любящего поест и выпить.

В книге Георгия Полонского «Доживем до понедельника», легшей в основу одного из самых культовых советских фильмов (1966–1968), есть такой эпизод:

Не-ет, вы цветочками не отделаетесь, – шумел Игорь Степанович, – такое дело отмечается по всей форме! У нас напротив мировая шашлычная открылась, все в курсе? И я уже с завом на «ты», он нас встретит в лучших традициях Востока! – заверял он, переходя на грузинский акцент. Входили другие учителя, им наскоро объясняли, в чем дело...

Вместе с тем ближе к концу 1970-х гг. основной дискурс отношения к акцентам вообще и, в особенности, восприятия грузинского акцента Сталина начал смещаться в новом направлении. Так, в мемуарах известного дипломата Олега Трояновского, написанных уже в конце 1980-х и опубликованных в 1997 г., автор дает следующую оценку речи Сталина:

Сталин сел справа от меня, за ним Молотов. Англичане расположились по другую сторону стола. Сталина было нетрудно переводить. У него был сильный грузинский акцент, но по-русски он выражал мысли правильно и точно, используя богатый набор слов. Он говорил короткими фразами, а периоды между паузами не были длинными, так что для переводчика не составляло труда делать заметки, а затем воспроизводить его высказывания.

Как видно, своим противопоставлением («был сильный акцент, но мысли выражал правильно») автор указывает, что акцент сам по себе – достаточное основание, чтобы подозревать у говорящего более примитивное мышление на неродном языке³². Учитывая отсутствие или, по крайней мере, незаметность этого дискурса в 1910–1960-х гг., можно предположить, что отождествление «акцента» в речи с уровнем или качеством мышления становится общим местом именно в конце 1970-х – начале 1980-х гг. В эти годы значительную роль играл такой жанр городского фольклора, как анекдот. Одним из любимых персонажей советских анекдотов был «богатый грузин». Специфичным для анекдотического грузина являлась его своеобразная манера недопонимать русскую речь по повторяющемуся этнофоллическому сценарию. Этот тип, выведенный в положительном ключе в фильме Георгия Данелия «Мимино» (1977–1978), возник не столько в реальной социальной среде Москвы, где жило множество выходцев с Кавказа, сколько в так называемом грузинском, или кавказском, анекдоте. Приведем некоторые примеры.

У Армянского радио спрашивают:

³¹ Нижеследующие примеры приводятся по результатам поиска словоформы «грузинский акцент» и ее производных в «Корпусном словаре русского языка» (<http://ruscorpora.ru/index.html>).

³² См. этот подтекст в цитируемом ниже некрологе Эдуарду Шеварднадзе журналиста Н. Долгополова.

- Может ли грузин купить «Волгу»?
- Может, но зачем ему столько воды? [обыгрывается омонимия названия автомобиля и реки].

Другой популярный анекдот конца 1970-х гг., иронически обыгрывающий грузинскую тему, повествует о грузине, который покупает кофе в студенческой столовой и говорит продавщице «адын кофе»: хоть и с сильным акцентом, но, на радость буфетчице, правильно склоняет слово мужского рода. Однако анекдот приходит к смешному финалу после того, как грузин продолжает: «И адын бюлочка». Акцент оказывается инструментом этнофолизма. В целом, однако, и анекдотический Сталин, и анекдотический грузин-простолудин находились до начала 1980-х гг. скорее в нейтральной, а часто и в положительной зоне общественного дискурса. Но наступил исторический момент, когда свой, родной, теплый акцент «отца народов» – Сталина вступил в конфликт с акцентом карикатурного «грузина из анекдота». Момент, когда этот конфликт взорвался в пространстве неофициальной позднесоветской общественной дискуссии, можно датировать с высокой степенью точности: это была переписка историка Натана Эйдельмана и писателя Виктора Астафьева, вызванная публикацией рассказа Астафьева «Ловля пескарей в Грузии» (1986).

Грузинский акцент, не очень удачно переданный в остальном хорошим писателем, используется в рассказе как инструмент для выражения большей или меньшей степени отвращения к главному персонажу рассказа – Отару. Когда Астафьев хочет изобразить своего героя «плохим», наделяет его акцентом:

Ты пыл бэдный! Пудэш бэдный! Я пыл богатый! Пуду богатый!

Когда герой говорит о высоком и прекрасном, Астафьев не слышит акцента:

– Первая национальная академия, – пояснил нам Отар. – По давнему преданию, здесь, в академии, учился ликосолнечный, во веки веков великий сын этой земли Шота Руставели, значит, и молился о спасении души своей и нашей, в этом скромном и в чем-то неугаданно-величественном храме.

Высокие слова, употребляемые Отаром здесь, не резали слух, ничто здесь не резало слух, не оскорбляло глаз и сердце, и все звуки и слова, произносимые вполголоса и даже шепотом, были чисты и вняты (Астафьев, 1986, 125–126).

Рассказ был опубликован в журнале «Наш современник» через год после назначения министром иностранных дел СССР Эдуарда Шеварднадзе. Тридцать лет спустя в некрологе Шеварднадзе журналист Николай Долгополов так вспоминает момент назначения:

Сначала удивление: человек, говорящий по-русски с грузинским акцентом, вдруг назначается горбачевским министром иностранных дел. Он ведь и языков не знает. Но у Шеви, как звал его весь мир, были отличные переводчики. А какие речи он будет произносить? А такие: прекрасные, умные, блещущие юмором. Их писал для него старинный друг, гениальный советник и идеальный спичрайтер, мой знакомец по «Комсомольской правде», коренной грузин и русофил Теймураз Мамаладзе. И когда доводилось видеть Шеварднадзе на каком-либо международном форуме или сопровождать во время визита, можно было за честь Родины не волноваться. С тяжелым акцентом и легким сердцем Эдуард Амвросиевич зачитывал искусно для него написанные тексты (Долгополов, 2014).

Говорящий с сильным грузинским акцентом политик, успевший перед добровольным уходом в отставку публично предупредить о готовящемся путче 1991 г., Шеварднадзе покинул столицу СССР и вернулся в Грузию, где на некоторое время стал президентом. В многочисленных интервью, данных впоследствии, в том числе и после передачи власти Михаилу Саака-

швили, Шеварднадзе объяснял свой уход из СССР невозможностью для человека с неродным русским языком заниматься политикой в новой России «национального возрождения». После перестройки он вернулся не в советскую Грузию, в которой родился, вырос и возглавил коммунистическую партию, а в Грузию «национального возрождения». Грузинскому акценту не было больше места в «национальном возрождении» России. Но случилось это в 1990–1991 гг.

А словосочетанием «русское национальное возрождение» оправдывал свое глумление над грузинами с их акцентом Виктор Астафьев в 1986 г.³³ Переписка В. Астафьева с Н. Эйдельманом, разразившаяся в августе – сентябре 1986-го и до 1990 г. ходившая тысячами копий в самиздате, была опубликована без купюр в культовом перестроечном рижском журнале «Даугава» после смерти Н. Я. Эйдельмана (Эйдельман, Астафьев, 1990).

Однако мотив грузинского акцента как символа чужеродности грузин в России мы замечаем и в гораздо менее массовой, но рефлексивно более тонкой философско-политической плоскости. Речь идет о восприятии известными деятелями русского национального возрождения философского творчества Мераба Мамардашвили. Начиная с 1990 г., когда Мамардашвили, активный политический противник президента Звиада Гамсахурдия, скоропостижно скончался в аэропорту Внуково, откуда намеревался вылететь в Тбилиси, в русской праворадикальной публицистике началась поразительная по ярости публицистическая кампания. Целью этой кампании было и остается вычеркивание Мамардашвили из списка «русских философов». Чем активнее друзья и ученики Мамардашвили печатали и перепечатывали работы философа, чем больше появлялось переводов его сочинений на иностранные языки, тем яростнее становились его враги. И спустя 12 лет после смерти философа «русская правая» пишет о нем так, словно Мамардашвили жив и может с того света вступить в дискуссию. Так, известный философствующий публицист Константин Крылов публикует 30 апреля 2002 г. на своей странице в «Живом Журнале» (<http://krylov.livejournal.com>) три взаимосвязанных текста, один из которых – это размышление самого Крылова о передразнивании акцентов как излюбленной забаве московской интеллигенции (1980-х гг.), другой – пример такого передразнивания собственного сочинения, а третий – памфлет Дмитрия Галковского, мишенью которого Мамардашвили (Мамарда, как называет его Крылов) становится уже не столько как «русский философ», сколько как философ вообще.

Все три текста – мемуар об акцентах, пример пародии и инвектива Галковского – передают атмосферу исторжения «грузинства» из нового «русского мира» в дискурсе национальной консолидации и очищения от инородчества, даже ценой расставания со сталинским советским мифом «дружбы народов».

Приведу полный текст записи Константина Крылова:

Мамардашвили

Одно время я развлекал друзей на факультете пародированием текстов Мамарды. Производство этой продукции не составляло труда: нужно было заучить наизусть несколько «главных мыслей» (точнее, несколько характерных выражений) и, потряхивая «культурным багажом», саморазворачивать логос, не забывая имитировать грузинский акцент. Имитация акцента мне давалась хуже всего – возможно, потому, что само это занятие отдавало советским

³³ «У всякого национального возрождения, тем более у русского, должны быть противники и враги. Возрождаясь, мы можем прийти до того, что станем петь свои песни, танцевать свои танцы, писать на родном языке, а не на навязанном нам „эсперанто“, „тонко“ названном „литературным языком“. В своих шовинистических устремлениях мы можем прийти до того, что пушкиноведы и лермонтоведы у нас будут тоже русские, и, жутко подумать, – собрания сочинений отечественных классиков будем составлять сами, энциклопедии и всякого рода редакции, театры, кино тоже „приберем к рукам“ и, о ужас! О кошмар! сами прокомментируем „Дневники“ Достоевского», – пишет Астафьев Эйдельману (Эйдельман, Астафьев, 1990, 66).

юмором (интересно, кстати, что большинство известных мне отмороженных демократов умело и с удовольствием воспроизводили всяческие «акценты», и вообще любили кривляться «по таким поводам» – что наводит на некоторые размышления). Но с «содержательной частью» проблем не возникало.

Получалось примерно следующее:

Мы собрались здесь, чтобы поговорить о философии. Я начну с такого утверждения, что философия сама по себе нам не дана, не дана, и все, а открывается нам только как бесконечная такая культурная перспектива, разворачиваемая из одной точки, которая находится где-то внутри когнитивного акта, внутри акта понимания. Но акт понимания построен так, что внутрь него мы зайти не можем, то есть – я мыслю, значит, я существую, я как бы выталкиваюсь к существованию вот этой самой мыслью, что я существую, я существую, в то время как я думаю, что мыслю. Я оказываюсь не в том месте, в котором я есть, где находится моя неотменимая ответственность. И вот эта ответственность, вот эта бесконечная форма, о ней говорил Декарт – «я мыслю, когда я мыслю», то есть я Декарт, в то время как я мыслю себя, но в чем? В пространстве вот в этом. Картезианская революция – это такое вот самоопределение мысли в существовании. И тут перед нами возникает проблема причинной связи, невытекания момента последующего из вот этого предыдущего момента. Существование субстанции, поддержание существования этого – это ведь чудо. Чудо не меньшее, чем сотворение мира. С этого и начинается мысль, как суверенная стихия мышления. Что это значит? Я мыслю, когда я мыслю, то есть я причина самого себя, и это значит, что я свободен. Это и есть точка свободы, точка безумия, в которой мы развязаны для бытия, как говорил Мандельштам. Вот эта самая точка, точка ответственности, она – и т. п.

Update: к теме. Галковский, как всегда, точен:

Во всех советских средствах массовой информации с завидной регулярностью печатаются многочисленные воспоминания, аналитические статьи, архивные материалы, эссе, посвященные памяти «Великого Мераба» и содержащие примерно следующие «философские диалоги»:

Иван: Скажите пожалуйста, что мне делать. Я вот тут чай налил, а пить его не могу – кипяток.

Мераб: Жды пят минут. (Пауза в пять минут)

Иван: Мераб, пять минут прошло. Что делать?

Мераб: Тыпэр пэй.

И далее по Иванушкиным мемуарам:

«Я стал пить. Чай был душистый, теплый. Внезапно слезы подступили к глазам – а Мераб, скромный великий человек, стоял у кухонного окна, облокотившись на подоконник, курил трубку, смотрел на меня и ласково, понимающе, улыбался. Я перевернул допитую чашку доньшком вверх, положил ее на блюдце, встал, тихо подошел к Мерабу, скользя шерстяными носками по холодному линолеуму, опустился на колени и поцеловал жилистую, пропахшую табаком руку мыслителя: «Спасибо, Учитель».

Характерно, что шулер именно грузин. Это в советских условиях не настораживало (как это – грузинский... философ?), а придавало дополнительную подлинность. Советскому интеллигенту при одном слове – «Грузия» полагалось глупо улыбаться от нахлынувшего

счастья. Знаменитая грузинская интеллигенция, добрый деликатный народ. В промозглом сером Париже на панелях продают себя русские графини, графы-кокаинисты роются в клоаках; а в Солнечном Тбилиси идет джигитовка – целые эскадроны в развевающихся бурках с саблями наголо врываются на горные вершины мирового духа. От всех этих бесконечных джугашвили, ментешашвили, орджоникидзе, берий, окуджав, енукидзе, мжаванадзе, рухадзе, шеварднадзе, георгадзе, а равно противостоящих им, но тоже совершенно НЕИНТЕРЕСНЫХ И НЕ НУЖНЫХ НИКОМУ В РОССИИ, „тицианов“ табидзе и „паоло“ яшвили, а также прочих гамсахурдий русских давно рвет. Так что не дураки же писать такое. Значит – „за деньги“. При этом обращает внимание заданность подобных публикаций. Они всегда появляются к определенным датам или в связи со всякого рода централизованными мероприятиями. Почему это происходит и как конкретно осуществляется – на эту тему можно говорить неопределенно долго. В данном случае важно одно: Мамардашвили не имеет никакого отношения к философии» (Крылов, 2002).

Мы эскизно проследили движение грузинского акцента как дискурсивной единицы (топоса и мотива) русской литературно-политической публицистики с 1950-х до середины «нулевых» годов нового века, выделив две основополагающие цезуры. Первая – это цезура конца 1970-х, когда грузинский акцент начинает балансировать между позитивным и солнечным акцентом товарища Сталина и несколько вызывающим говором уличного торговца. Вторая – это середина-конец 1980-х, когда в литературе (Виктор Астафьев) и в политическом дискурсе происходит резкий крен вправо.

В письме Виктору Астафьеву Натан Эйдельман выделяет в качестве основного признака творчества этого писателя расставание Астафьева с гуманистической традицией русской литературы двух эпох – русско-имперской (образец для Эйдельмана здесь – Лев Толстой как автор «Хаджи-Мурата») и советско-имперской (образцом советской гуманистической традиции сам Эйдельман до сих пор считал как раз Астафьева!). Русский писатель не мог бы так писать о грузинах! – утверждает Эйдельман, испытавший отвращение именно к пародируемым грузинскому акценту и общему виду толстых, лоснящихся от спеси и обжорства грузинских детей. Акцент здесь становится острием атаки. Именно эта атака хорошо дополняет и политическое переживание расставания РФ с Грузией, обострившееся после русско-грузинской войны 2008 г. и ее последствий. Возможно, и эта война была до некоторой степени предугадана позднесоветским анекдотом, по прошествии четверти века едва ли понятным без комментария. Первая пешеходная улица Москвы – знаменитый Арбат – «течет», по слову Булата Окуджавы, «как река» – от перестроенного в 1980-х гг. громадного здания одного из военных ведомств на Арбатской до здания МИДа на Смоленской площади. Согласно московскому анекдоту тех месяцев, после назначения Шеварднадзе министром иностранных дел СССР Арбат переименовали в «Военно-Грузинскую дорогу». Незаметно, но решительно менялись, таким образом, сами основания официальной советской идеологии.

Библиография

- Аллатов В. (1994) Политика и орфография // Независимая газета. 30 апреля.
Аржак Н. [Даниэль Ю.] (1962) Говорит Москва. Вашингтон: Филиппов.
Астафьев В. (1993) Мультиатули // Континент. № 75. С. 111–118.
Астафьев В. (1986) Ловля пескарей в Грузии // Наш современник. № 5. С. 123–141.
Бухвалов Г. (1994) Во дни сомнений... Язык и достоинство нации // Век. 7–13 октября. С. 11.
Быков Д. (1995) ОРТ ориентируется на обывателя // Общая газета. 13–19 апреля. С. 13.

- Горьшин Г. (1994) Мой мальчик, это я [Воспоминания] // Наш современник. № 6. С. 160–181.
- Готье Ю. (1993) Мои заметки [1920–1922] // Вопросы истории. № 2. С. 139–155.
- Гусейнов Г. (1992) Исторический смысл политического косноязычия. Украина и русское общество // Знамя. № 9. С. 190–199.
- Долгополов Н. (2014) Шеварднадзе был министром нового типа // Российская газета. 8 июля. № 150 (<https://rg.ru/2014/07/08/georgia.html>).
- Ерофеев В. (1995) Оставьте мою душу в покое: Почти все. М.: Изд-во АО «Х. Г. С.».
- Жириновский В. (1994) Анекдоты из коллекции Жириновского. СПб.: Симплекс.
- Затонский Д. (1994) Ценности или есть – или их нет // Литературная газета. 13 апреля.
- Игошев Л. (1994) О путях России [по поводу статьи А. Зубова «Пути России» (Континент. № 75. С. 124–159)] // Континент. № 81. С. 178–191.
- Каграманов Ю. (1993) Украинский вопрос // Дружба народов. № 10. С. 174–184.
- Клюковкин Р. [Письмо в редакцию] // Новое время. 1994. № 23. С. 2–3.
- Коваленко В. (1994) Русский по-украински (свинья, подложенная большевиками) // Независимая газета. 20 апреля.
- krylov [Крылов К.] (2002) Мамардашвили // krylov. Живой журнал «Всеобщий синопсис или Система мнений». 30.04 (<https://krylov.livejournal.com/309071.html>).
- Лебедь А. (1995) Россия сейчас – место, где воруют и дерутся. Изменить положение сможет коалиция левых и патриотических сил // Независимая газета. 5 октября.
- Матвеев В. И. (1989). Языковая ситуация в студенческой среде (на примере Киевского пединститута иностранных языков) // Философская и социологическая мысль. № 6. С. 11–13.
- Новиков А. (1993) Геополитизация кризиса власти // Век. № 42 (61).
- Поздняев М. (1995) Тенденция, однако. Религиозные войны в России становятся реальностью // Общая газета. 6–12 апреля.
- Руденко Д. (1994) Пространство: грань бытия // Философия языка: в границах и вне границ. Т. 2. Харьков: Око. С. 129–167.
- [Б.а.] Свобода, карбованец и Крым (1994). Несколько мнений об украинской «незалежности» [отклики читателей] // Новое время. № 3. С. 2–3.
- Черкизов А. (1996) Хронограф. Живая летопись московского муравья. Путеводитель по пяти годам жизни страны. 1991–1996 [Выступления автора на радиостанции «Эхо Москвы»]. М.: Март.
- Чуковская Л. (1997) Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. Т. 1: 1938–1941. М.: Согласие.
- Чуковский К. (2003) Дневники: В 3 т. Т. 2. М.: Олма-Пресс.
- Эйдельман Н., Астафьев В. (1990) Из переписки (1986) // Даугава. № 6. С. 62–67.
- [Б. а.] Я так тэбэ кохаю (1995) // Куранты. 16–17 сентября.
- Bilaniuk L. (2004) A Typology of Surzhyk: Mixed Ukrainian-Russian Language // International Journal of Bilingualism. Vol. 8. № 4. P. 409–425.
- Bilaniuk L. (2010) Language in the Balance: the Politics of Non-accommodation on Bilingual Ukrainian – Russian Television Shows // International Journal of the Sociology of Language. Vol. 2010. Is. 201. P. 105–133.
- Gal S. (1998) Multiplicity and Contention among Language Ideologies // Shieelin B., Woolard K., Kroskrity P. (Eds.) Language Ideologies: Practice and Theory. Oxford: Oxford University Press. P. 317–331.
- Heinrich H.-G. (1995) Was blieb von der sowjetischen Politsprache? // Wodak R., Kirsch F. P. (Eds.) Totalitäre Sprache – Langue de bois – Language of Dictatorship. Wien. S. 181–194.
- Lippi-Green R. (1997) English with an Accent: Language, Ideology and Discrimination in the United States. London: Routledge.

Mühleisen S. (2005) What Makes an Accent funny and why: Black British Englishes and Humour Televised // Reichl S., Stein M. (Eds.) Cheeky Fictions: Laughter and the Postcolonial. Amsterdam; New York. P. 225–243.

Sacks H. (1974) An Analysis of the Course of a Joke's Telling in Conversation // Explorations in the Ethnography of Speaking. London: Cambridge University Press. P. 337–353.

Часть 2. Вместо дружбы

Тематические переломы: новые тенденции в русской и грузинской литературе постсоветского периода

Елена Чхаидзе

Анализ тематических трансформаций и развития национальных литератур бывшего СССР в постсоветский период имеет особое значение для составления картины поведения межнационального поля литературы, вышедшего из-под навязанного ракурса «дружелюбия». После распада Советского Союза отношения между Россией и Грузией изменились, даже несмотря на то, что в советские времена культурно-литературные связи республик считались, по разным причинам, наиболее плотными и дружественными. Крах имперско-колониальной парадигмы и выстраивание новых отношений не обошлись без войн. Хотя у этой парадигмы была своя специфика. Отношения Российской империи, а позже РСФСР с республиками Азии и Кавказа характеризовались по-разному³⁴. Например, как «reverse cultural colonization / обратно-культурная колонизация», сводившаяся к стремлению коммунистов освободить трудящиеся массы, упразднить привилегии для русских на юге и востоке бывшей Российской империи, к строительству заводов, фабрик, школ, больниц, освобождению женщин из гаремов (Моогe, 2001, 123) или как «трансимперское, транскультурное и транснациональное» по отношению к российской/советской имперско-колониальной конфигурации (Тлостанова, 2004). Что касается конкретного случая – Кавказ/Закавказье и Россия, то в современной науке часто запутанно используются две дихотомии: Запад – Восток/Ориент и Север – Юг. Первая восходит к известной книге Эдварда Саида «Ориентализм» (Said, 1978), в которой рассматривается модель *Запад – Восток (Ориент)*. Под Востоком он подразумевал мусульманский Ближний Восток, а под Западом – Европу. Сравнение культурно-ментальных отличий двух миров помогло европейцам сконструировать образ *себя*. Однако Саид обошел отношения Российской империи с ее провинциями. На мой взгляд, причина лежала в особенности определения «места» России: для европейцев она была Востоком, а для Азии или Востока – Западом (это отмечали Н. Бердяев, П. Чаадаев, В. Соловьев). У Грузии также было особое место. Будучи самой мощной державой Востока в период Средневековья, позже потерявшая свои территории и большую численность населения из-за захватов со стороны Персии и Османской империи, она была, как Россия и Европа, христианской страной – единственной православной христианской страной Востока. Из-за этого дихотомию Запад – Восток по отношению к России и Грузии применить сложно. Более подходящей является вторая дихотомия. Современные теоретики рассматривают противопоставление глобальный Север – глобальный Юг (Тлостанова, 2012, 97–99), где под Севером подразумеваются богатство, «белая кость», власть, а под Югом – экономическая, социальная, гендерная, экзистенциальная несвобода и зависимость. Более того, внутри самой Европы существует противопоставление Север и Юг. Странам Южной Европы приписываются, например, иррациональность и коррумпированность, основанная на клановости, а странам Северной Европы – рациональность и развитое чувство долга (Dainotto, 2002; 2007). В нашем случае Севером является Россия, а Югом – Грузия. Условную «общность» подтверждают церковные/духовные и культурные связи, зародившиеся до политических.

³⁴ Например, известный советский историк и литературовед Натан Эйдельман характеризует Закавказье как «кавказская Азия»: «В составе Российской империи кавказская Азия заняла своеобразное положение. Она не стала этническим продолжением России с анклавами оттесняемых и истребляемых аборигенов или чисто колониальным регионом» (Эйдельман, 1990, 7).

Преломление: перетасовка спасительниц

Обращения друг к другу в литературных произведениях, начиная еще с феодального периода, свидетельствуют о формировании некоего единого культурно-литературного пространства: Россия – Грузия. До колониального периода, последовавшего после подписания Георгиевского трактата (1783 г.) и нарушения его положений в 1801 г.³⁵, в грузинской литературе доминирующим является мотив надежды на северного соседа как на спасителя от мусульман, а в русской – мотивы, связанные с участием грузинских ремесленников или людей церкви в совместной культурно-духовной деятельности («Повесть о Вавилонском царстве», XV в.). Например, в поэме «Давитиани» Давида Гурамишвили (1705–1792), где повествование было связано с петровским и послепетровским периодом Российской империи, славянский мир, под которым подразумевались, обобщенно, Россия и Украина, выступал не только как географическая данность, а как политически-культурный ориентир. Писатель рассказывает о восторженной реакции грузинского царя Вахтанга на отклик Петра I – охарактеризованного как «мудрый, щедрый, справедливый», – оказать поддержку в борьбе с мусульманами:

Лишь дошли до государя
Эти радостные вести,
Дух воспрянул у владыки,
Поднялась душа из персти.

(Гурамишвили, 2004 [1787], 267, 269)³⁶

После нарушений Георгиевского трактата партнерские отношения переросли в иерархические. Произошел первый наиважнейший тематический перелом-преобразование: дискурс страны-спасительницы, использовавшийся в грузинской литературе по отношению к России, перекочевал в русскую литературу – Грузия становится *спасительницей* для многих представителей русской интеллигенции. Постоянное обращение к южному краю в литературных произведениях сложилось в традицию романтической репрезентации Грузии как страны свободы и вдохновения. На протяжении многих последующих лет русские писатели обращались к своему Югу (Грузии), с которым связаны золотой и серебряный век русской литературы:

И перед ним иной картины
Красы живые расцвели:
Ковром раскинулись вдали;
Счастливый, пышный край земли!

М. Ю. Лермонтов. *Мцыри*

³⁵ Приведем слова, демонстрирующие динамику развития событий от первого этапа, когда грузинский царь ищет пути к покровительству Россией: // «Предоставьте им все мое царство и мое владение как жертву чистосердечную и праведную и предложите его не только под покровительство высочайшего русского императорского престола, но и предоставьте вполне их власти и попечению, чтобы с этих пор царство картлосианов считалось принадлежащим державе Российской с теми правами, которыми пользуются находящиеся в России другие области» (Цагарели, 1902, 287–288). // В Тбилиси в мае 1801 г. генерал Карл Кнорринг сверг грузинского претендента на трон и установил правительство Ивана Петровича Лазарева (Lang, 1957, 247). Грузия стала одной из губерний Российской империи. Образ Грузии как самобытного государства сменился на образ периферийной составляющей.

³⁶ Запланировав Персидский поход, а значит, и размещение русских войск в Грузии, Петр I в неожиданный для грузин момент передумал. После этого царь Вахтанг вынужден был покинуть Грузию, а помощи страна, покоренная турками, ждала еще много лет.

На место темы России-*спасительницы* приходит дискурс покорителя и угнетателя. Грузинские писатели неоднократно обращались именно к такому образу Севера (России), например: у Николоза Бараташвили (Россия – «недруг»), у Александра Чавчавадзе (Грузия – «плененная возлюбленная» – покоренная родина), у Акакия Церетели (Грузия и Россия – «плененная красавица и ее похитители») (Киланава, 2013, 19–71).

В противовес романтическому дискурсу в русской литературе, в грузинской все ярче и ярче рисуются образы русских как пропойц и бездельников, грабящих трудолюбивых и порядочных крестьян. Например, в рассказе «Эльберд» Александра Казбеги русские военные обвиняют грузинских крестьян в ограблении почты и грозят экзекуцией, а главным сюжетом рассказа служит трагическая история, случившаяся в реальности с его другом, крестьянином-кистом (чечено-ингушом). Эльберда публично повесили на владикавказском базаре за то, что он безуспешно пытался защитить свою жену от изнасилования русским офицером; трагедию завершает картина смерти их ребенка – его раздавили и растоптали солдаты, потому что он «ненароком» (Казбеги, 2009, 88) попал им под ноги...

В одной из известных поэм Луки Разикашвили, известного всем под псевдонимом Важа-Пшавела, Грузия аллегорически представлена раненым орлом, а в стихотворении «გაოხრებული ბაღი» [Опустошенный сад] (1912) – разоренным садом³⁷. Опустошили его имперские захватчики – «каркающие в нем вороны» (груз.; Важа-Пшавела, 1912, 27).

Если в досоветской литературе можно было встретить открытую (Казбеги) или аллегоризованную (Важа-Пшавела) точку зрения о российском присутствии, то советская грузинская литература вынуждена была пользоваться приемами кодирования информации (Ципурия, 2016). Советские грузинские писатели чаще стали прибегать к мифу и мифологизации (Беставашвили, 1973, 269–272). Например, в романе Отара Чиладзе «Шел по дороге человек» («გზაზე ერთი კაცი მიდიოდა») обращение к мифу об аргонавтах помогает рассказать о захвате Колхиды – Грузии, а пара Медея – Ясон представляет собой противопоставление Грузия – Россия (см. ст. Рейфилда в наст. издании).

Постсоветский период

*Откуда было знать, что в этом пламени уже был другой знак <...>
Там находились русские, украинцы, грузины, не успевшие выбраться из
крошечного ада*³⁸ <...>

Империя распадалась. Горюхина, 2000, 9–10

Стремление Грузии к независимости было расценено российскими властями как предательство вековой дружбы. Возмездием за предательство стали кровавые события 9 апреля 1989 г., войны разных лет в Абхазии и Южной Осетии. Уже в позднесоветский период гласности и перестройки, из-за предоставленной возможности открыто заявлять свое мнение, что подтолкнуло к росту национализма, в обеих литературах качественно меняется содержание ведущих дискурсов: романтический ракурс и аллегоризация/мифологизация остаются в прошлом. Первым и самым громким проявлением изменившегося времени стал рассказ Виктора Астафьева «Ловля пескарей в Грузии» (1986). Он вызвал бурную полемику в литературных кругах Советского Союза (Поракишвили, 2004, 11–24). Автор демифологизирует традиционный миф о радужной щедрой стране и ее людях. Он обращает внимание читателя на отталкивающий, жадный, тиранствующий патриархальный мир. У Астафьева вместо сво-

³⁷ Здесь и далее: названия произведений, не издававшихся в русском переводе, приведены на языке оригинала, русский перевод от автора статьи – в квадратных скобках.

³⁸ Имеется в виду война в Абхазии.

его романтического края появляется «деспотичный Восток», а вместо романтического путешествия – поездка-бремя.

В грузинской литературе исчезают традиционные литературные приемы, служившие кодирующим средством, с помощью которого передавалась основная мысль об оккупации/советизации Грузии Россией. Распад СССР, а значит, распад имперско-колониальной парадигмы между Россией и Грузией стал поводом для проявления иной, ранее не проявлявшейся открыто/враждебно иерархии: Грузия – Южная Осетия – Абхазия. Связано это было с постсоветскими конфликтами на территории бывшей советской Грузии, которая обретает черты глобального Севера по отношению к своим бывшим автономиям, превратившимся в глобальный Юг. В литературе образуется новая тематическая цепь, которая становится генератором новых дискурсов и лакмусом для ранее заретушированных тем: Россия – Южная Осетия – Абхазия – Грузия.

*Летописцы*³⁹

Роль очевидцев событий и тенденциозная и зачастую неточная/однобокая информация в советских/российских СМИ подтолкнули литераторов к написанию текстов, приближенных к документальности. Этот поток произведений существует, условно, в двух плоскостях: реалистической и постмодернистской. Иллюстрацией к стремлению передать правду о происходящем служит сюжет из романа «Ныне отпускаеши» (1996) русского писателя грузинского происхождения – Александра Эбаноидзе, который первым в русской литературе обратился к теме столкновений в постсоветской Грузии⁴⁰. Сюжет книги сводится к поездке «московского грузина»-журналиста в Тбилиси. Он попадает в гущу событий 9 апреля и Гражданской войны:

Камера и диктофон притягивали как магнит. В считанные минуты я обрстал толпой. Каждый норовил рассказать свою историю, доказать свою правду, выплеснуть свою боль (Эбаноидзе, 2001, 216).

Его – как свидетеля – восприятие увиденного меняется от сочувствия и стремления помочь до ощущения/осознания абсурдных картин маразма, который вырастает из непрекращающегося протеста.

Одну из самых объемных картин постсоветских вооруженных конфликтов и их последствий зафиксировала в своем «Путешествии учительницы на Кавказ» Эльвира Горюхина (2000), как репортер объездившая беспокойный постсоветский Кавказ и Закавказье. Художественные произведения Горюхиной о Кавказе критики ставят в один ряд с «Севастопольскими рассказами» Толстого (Шейхова, 2010; Руденко, 2004). Автор-рассказчица ломает традиционный образ имперского путешественника, восторгающегося экзотикой юга. Она оказалась единственной из российских писателей, взявшей на себя задачу фиксировать по горячим следам происходящее, а также записывать размышления местных жителей Кавказа и Закавказья о своей участи, об отношении к своему историческому прошлому и будущему, об отношении к проблемам, последовавшим за обретением независимости. «Путешествие...» стало художественным текстом, основанным на документальном материале. Смелость писательницы заключалась в протестном противостоянии информационному потоку официальных российских СМИ, обрушившемуся на неосведомленного обывателя (Рева, 2015, 210) за пределами горячих точек. Путешествие включило в себя Грузию (Тбилиси, Зугдиди, Сенаки и др.), Нагорный Карабах, Чечню, Дагестан. Книга состоит из глав «Чем спасемся?» (о войнах и пост-

³⁹ Формат статьи не позволяет охватить всех авторов и их произведения. Здесь я постараюсь представить литературные произведения, наиболее отражающие изменение тенденции.

⁴⁰ Роман состоит из трех частей: «Реквием. 18 декабря 1991 года» (от 9 апреля 1989 г.), «Версия невменяемого. 20 декабря 1992 г.» (Гражданская война 1990-х гг. в Грузии), «На пепелище. 26 декабря 1991 года» (о жизни главного героя в Москве).

военном синдроме в Грузии), «Нагорный Карабах» (о конфликте между армянами и азербайджанцами), «Место жительства – война» (о войне в Чечне), «Накануне» (о напряжении в Дагестане). Повествование о Грузии начиная с января 1992 г. пропитано тревогой и болью. Горюхина сосредотачивается на городских картинах и на биографических случаях очевидцев войны. Типичными для Тбилиси тех лет были не благополучие, а люди с автоматами, множество беженцев, сгоревшие дома, взорванные мосты.

В середине января 1992 г. Тбилиси был не похож на себя. «Что сегодня случилось в Тбилиси?» – эта строчка из стихов Заболоцкого не давала покоя. И хотя было ясно, что идет война, глаз не мог смириться с тьмой, в которую был погружен один из прекраснейших городов мира (Горюхина, 2000, 14).

Рассказчица сосредоточилась на главной гуманитарной катастрофе Кавказа: детях и беженцах, потерявших дом. Главным мотивом всех поездок Горюхиной было стремление помочь детям, оказавшимся в зоне боевых действий, своим друзьям («там моим друзьям плохо»), а также письменная фиксация увиденного. Публикация отрывков из детских сочинений и воспоминаний детей должна была стать главным упреком политикам. После войны в Абхазии появилось «общество» мечущихся и молчащих людей, пораженных культурной травмой (Alexander, 2004, 1; Штомпка, 2001, 8). Молчащие дети, молчащие мужчины, картины с гробами детей, автоматические и повторяющиеся действия, связанные с реальностью, которой уже нет, т. е. проекция действий прошлого в настоящем:

Человек существует без желаний, надежд, без адекватной реакции на происходящее. Не все беженцы таковы. Далеко не все. Некоторые, наоборот, развивают гиперактивность, чтобы создать для себя и окружающих ощущение новой жизни. Хатуна упорно ищет постельное белье, которого нет. Судорожно достает кружку для чая, которого тоже нет. Наконец оставляет поиски и, словно окаменев, садится на постель. Все! Больше ничего нет! Ничего! Есть только горе (Горюхина, 2000, 47).

Не только тема травмы, но и тема потери становится лейтмотивом «Путешествия...». Дети-беженцы из Абхазии говорили о потере родителей и дома. Например, в главе «Дети Кодорского ущелья»:

Я тогда училась во втором классе, когда началась братоубийственная война между абхазами и грузинами. Это была болезненно придуманная война. До сегодняшнего дня мы не видим конца мучениям людей. Голодные и босые люди разбросаны за пределами своей родины. Мне, беженке, желаемым остаются мой дом и моя школа. Я не воспринимаю своей школу, в которой учусь. Софико Чаплиани. 11 лет (Горюхина, 2000, 40).

Содержание «Путешествия...» демонстрирует метаморфозу роли «колонизатора». У Горюхиной он становится сочувствующим свидетелем случившегося. Меняется и сама «периферия», на смену цветущей Грузии приходит разрушенный рай. Неотъемлемой частью темы путешествия в Грузию становится нарратив путешествия на войну.

В грузинской литературе основным летописцем событий начала 1990-х гг. стал Отар Чхеидзе. Его авторству принадлежат 5 романов, объединенных под общим названием «*ძაგობჯ ქართლისა*» [Летопись Картли]⁴¹. В книгах подробно описываются протесты на площади Руставели 9 апреля 1989 г., а также события Гражданской войны. Автор представил трансформацию грузинского общества как пережившего культурную травму, связанную с потерей независимости еще в прошлых веках (имперский период, советизация), и желающего ее преодолеть.

⁴¹ Картли – грузинская провинция, в которой находится г. Тбилиси.

Главного врага они видят в лице России. В романах кардинально антироссийские настроения грузинского общества соседствуют с дискурсом сомнения, царившим тогда же. Например:

Пока существует Российская Империя, какой бы облик она ни принимала, пока в Грузии засели русские войска, разговоры о независимости – иллюзия, и ничего больше! <...> Долой оккупацию и аннексию! (Чхеидзе, 2002, 64)

Или

Один лишь национализм не уведет нас далеко... (Там же, 94).

Чхеидзе подробно обращается к описанию митингов в Тбилиси и по всей Грузии. В его текстах читатель знакомится не только с лозунгами, звучавшими на митингах, но и с репрезентацией образов политиков, являвшихся лидерами в те времена.

Схожие картины и сюжеты можно встретить и у упомянутого выше Эбаноидзе, и у Наталии Соколовской в романе «Литературная рабыня: будни и праздники» (2007). Грузинская сюжетная часть романа разделена на два периода – до и после 9 апреля и Гражданской войны в Грузии. Главная героиня, русская девушка Даша, стала свидетельницей двух Грузий: *своей* советской и *чужой* постсоветской. Образ рая, закрепившийся в русском сознании благодаря писателям нескольких поколений, изменился и стал разрушенным раем (Чхаидзе, 2016). Героиня видит митинги, толпу с флагами, выступающую за независимость от России, а затем бронетранспортеры, танки, солдат, панику, давку (Соколовская, 2011, 40).

В произведениях, посвященных более поздним событиям (Пятидневная война 08.08.08 в Южной Осетии), писатели также основываются на хронике войн, но пытаются создать ощущение «ненастоящести» войны. Они прибегают к постмодернистскому приему монтажа компьютерной, виртуальной игры в войну или приему обращения к медиапространству, способствующему также созданию «виртуальной» войны, которая перерастает в настоящую. К таким текстам относятся роман-пьеса Басы Джаникашвили «მბრძოლვე» [Войнушка] (2010) и роман Зазы Бурчуладзе «Adibas» (2011) (см. ст. Уффельманна в наст. издании)⁴².

Джаникашвили помещает читателя во вроде бы реальный мир, в котором начинается повествование-воспоминание жительницы Сиони – Лали. Она вспоминает о ежедневных заботах населения Грузии во время августовской войны: одна часть населения воевала, а другая – отдыхала (Джаникашвили, 2010, 7). Сюжет формируется вокруг двух конфликтов: между Россией и Грузией и между супругами Гурамом и Верой. Символично, что конфликт и «фронтальная зона» в семье появились из-за их сына Гивико, бросившего камень в русский истребитель, в результате чего тот взорвался. Повествование предлагает блестящий образ антиколониальной борьбы. Под конец вся история оказывается компьютерной игрой, виртуальной реальностью: война – войнушкой, с названием, напоминающим детскую забаву, а русские пилоты, оказавшиеся в плену у грузин, – фарсом. Писатель предоставляет возможность читателю самому решить – это реальность или виртуальность, факт или фикция.

Джаникашвили вкладывает в текст и политический посыл: по мнению рассказчика, августовская война является ироническим повторением событий 9 апреля 1989 г.; образ врага остается неизменившимся, а сами жители Грузии находят пути выживания, не борясь, а создавая лишь видимость. Рассказчик намекает на нереализованность, несостоятельность того, что связывали с обретением независимости страны (Там же, 38–41).

Заза Бурчуладзе обращается к теме современной жизни тбилисской «золотой молодежи», для которой война – это лишь фон, созданный массмедиа и существующий лишь как дополнительный шум, не мешающий половому акту одного из героев романа, совершающемуся во время телевизионных новостей. Русско-грузинская война – это помеха, вклинивающаяся

⁴² Пьеса Джаникашвили не переведена на русский язык, роман Бурчуладзе переведен.

в жизнь грузинской молодой богемы, помешанной лишь на одном – брендизме. Бренд одежды управляет жизнью и системой ценностей. Трагедия страны лишь отголоском входит в жизнь тех людей, которых она не коснулась напрямую.

Особенным, неосвязаемым и несуществующим, с одной стороны, и абсолютно кровавым – с другой, является новое пространство, зафиксированное в названии романа «irrata.ru»⁴³ Гурама Мегрелишвили и Тамаза Деметрашвили (2010; см. ст. Абзианидзе в наст. издании). «Irrata.ru» – метафора, обозначающая новые границы: Южная Осетия принадлежит уже России, а не Грузии, потому что «иратта» – это «Осетия», и написание ее в домене «ру» говорит само за себя. Не только название романа передает доминирование и передел границ, но и слова боевиков-наемников (Имама, Георгия и Валерия) – о ненависти и национализме, о стремлении расширить домен «ру» с помощью захвата, наживы и мародерства:

А у меня есть повод ненавидеть этот народ, знаете? – проговорил Валерий, – во-первых, потому что они – наглая толпа чернозадых, и больше ничего, во-вторых, все несчастья России – от них, или от чеченцев! (Мегрелишвили, Деметрашвили, 2010, 5).

В постсоветский период в русской и грузинской литературе появляется сюжет столкновения между грузинами и советскими/российскими войсками. В русской литературе доминирует взгляд очевидца столкновений в Грузии, который удивлен произошедшим и разочарован потерей старого романтизированного мира. Грузинские писатели придерживаются тенденций, доставшихся им в наследство от писателей прошлых лет: продолжается традиция в изображении России как страны-угнетательницы; не прекращается тема насилия. К новшествам относятся сюжеты описания хода боев с российскими войсками; смена риторики сомнений на неприкрытую критику, обращение к виртуальной реальности и компьютерной игре. Августовская война стала толчком для появления в литературе словосочетания «русско-грузинская война», что ранее не существовало ни в истории, ни в литературоведении.

Свидетели войны и кавказский контекст

Знаковым для литературы постсоветского периода является образование групп писателей, которые стали свидетелями не только тбилисских событий и Гражданской войны 1990-х в Грузии, но и свидетелями других войн. Например, войны в Абхазии. Благодаря им читатель узнает о смерти, ранах, разочарованиях и боли в те времена. К группе писателей-сухумцев принадлежат Гурам Одишария и Гела Чкванавა.

Образ врага, вопрос потери территорий, национальный вопрос, отдельные биографии боевиков-убийц не находят места на фоне человеческих трагедий. Грузинские писатели стараются абстрагироваться в своих произведениях от политико-исторического фона и смотрят на происшедшее как на трагедию всех участников, вовлеченных в конфликт. Причина такого подхода кроется в космополитизме жителей Абхазии, живших в своем особом мультикультурном приморском мире, где каждым жителем были уважаемы языки и культуры соседей. Например, об атмосфере жизни в довоенном Сухуми – столице Абхазии пишет Одишария в романе «ჰაზოღღბგოღ ჯაგა» [Кот президента] (2008). Это был пестрый, дружелюбный, пропитанный юмором город. Автор перемешивает страшные картины с эпизодами, пронизанными юмором как приемом защитной реакции, являющимся отличительной чертой его произведений. В романе «Очкастая бомба» (2015) Одишария выстраивает сюжет по принципу смещения отрывков видеопленки. Это различные сцены – от военных до мирных (например, «Конкурс задниц Родины») или страшных социальных картин: репортаж о женщине-самоубийце, с наполювину снесенным черепом, вынужденной пойти на смерть, чтобы отдать сердце нуждавше-

⁴³ Роман не переведен на русский язык.

муся в операции сыну; или о женщине, несшей в сумке тело своего ребенка, погибшего при бомбежке. Некоторые отрывки влияют на эмоции так же сильно, как и экранные репортажи. Например, описание момента смерти молодого парня с сигаретой в руках, оставшегося без ног и истекшего кровью (Одишария, 2015, 22–23). В главе «Кладбище рук и ног» телеоператор рассказывает о том, что в огороде возле больницы хирург «хоронит» конечности, отрезанные в ходе операций. Врач организовал кладбище, надеясь на появление родственников, которые будут искать близких (Там же, 7–8).

В повести Г. Чкванавы «Гладиаторы» («გლადიატორები», 2006, переведена на русский в 2007 г.) повествование о русских *захватчиках/колонизаторах* существует как фон, на котором вырисовываются образы грузинских солдат, переживших войну. В центр повествования автор ставит двух грузинских военных (Кобу и Дато), вырвавшихся из окружения и бредших в неуказанном направлении. Изможденные, они видят, как боевики, говорящие по-русски, разоряют села и убивают людей.

«Гладиаторы» – это люди, вымотанные войной, способные или убивать, или умирать. Чкванавы указывает читателю на последствия любых войн – травмированную психику, разоренную душу. Мир людей, прошедших войну, похож на выжженную пустыню. Единственное, что остается от прошлого, – надежда на возрождение. Потому что писатель вводит символический сюжет: перед смертью движение пуль сравнивается с движением плода в животе матери (Чкванавы, 2014, 267).

После 2000-х гг. в грузинской литературе появляется дискурс кавказского сообщества, обманутого северным соседом. Например, Тлостанова пишет о том, что кавказцы оказались в ситуации символических чернокожих Евразии, постепенно все больше «чернеющих» в российском, советском и постсоветском воображаемом (Тлостанова, 2012, 104). Понимание грузинами своего положения подтолкнуло к призыву о сплочении. Например, в малоизвестном рассказе Левана Малазония «სოხუმგან ახლოს, მაშინ...» [Вблизи Сухуми, тогда...] (2011) звучит посыл к абхазам как к народу, с которым исторически связывают столетия, а русские изображаются в нем как бессердечные оккупанты. Один из персонажей предостерегает абхазов от отношений с Россией. Он пользуется весьма резкими сравнениями:

От России прочь бегут все ранее ею захваченные страны, а вы все обнимаетесь с этими свиньями!? А ты знаешь, что этим шовинистским русским коммунистам наплевать на абхазов, осетин, чеченцев, украинцев и грузин – т. е. на всех, кто начал борьбу за независимость? Да и что у вас общего с русскими? Вас спасали ваши обычаи, а вот русский плевать хотел на ваши традиции, он жену продаст любому за сто грамм водки. Вот, ты думаешь, что в Кремле переживают за ваше спасение? Для России Абхазия – всего лишь хороший пляж, да и база для ракет, вам, как и осетинам, запудрили мозги. Вас сначала используют, а потом выбросят на помойку или в Турцию. Знаешь ли ты, что в составе этой животной державы абхазам грозит полное вымирание? (Малазония, 2011, 144)

В тексте прослеживается желание автора представить заблуждение абхазов в оценке своей роли по отношению к России и Грузии. Для автора, как и для части грузинского общества, грузины и абхазы – это кавказцы, которые должны держаться вместе ради предотвращения агрессии сильного соседа. По моему предположению, резкий текст написан на грузинском для того, чтобы он был доступен читающим и говорящим по-грузински осетинам, с которыми также произошел вооруженный конфликт.

Новый социум

Кроме появления темы войны в русско-грузинской тематике, следует отметить появление дискурса самоидентификации представителей бывшего советского сообщества. Чаще всего он встречается в литературе на русском языке и связан с проблемами мульти- и транскультурности. Например: самоидентификация русских, живших в Грузии, или грузин, живших в России, а также представителей этнических групп, выросших не на своей «этнической родине». Дискурс самоидентификации становится ведущим в нескольких произведениях русскоязычного писателя, родившегося и проведшего детство и юность в Грузии, Дениса Гуцко. Главным персонажем его текстов становится прототип автора – этнический русский, выросший и сформировавшийся в Грузии. Сам себя он называет «грузинским русским» (Гуцко, 2005, 68). Исходя из современных исследований, герой является типичным примером человека транскультурного пространства. К такому выводу проходит читатель, ознакомившись с историей героя в повестях «Апсны абукет»⁴⁴. Вкус войны» (2002), «Там, при реках Вавилона» (2004) и в романе «Русскоговорящий» (2005). На самом деле первые два текста частично включены в роман «Русскоговорящий» (Абашева, 2008; Аверчинков, 2015; Ганиева, 2006). Главный герой – Митя Вакула – считал Грузию своим домом, но из-за постсоветской политики стал в Грузии чужим. Он вынужденно уезжает в Россию, которую фактически не знал, и для «коренных» русских превращается в «грузина». Причиной превращения стал грузинский акцент:

Окружающие любят порасчленять его: «Значит, ты не грузин? Папа-мама оба русские? Хм!» Почему именно, он не знает, но многим противны такие, как он, русские с акцентом (Гуцко, 2005, 9).

Писателя волнует судьба не только отдельного человека, но и русскоязычного населения, оказавшегося врагом для одних и балластом для других. Нахождение между культурами (in-betweenness) оказывается не категорией, раскрывающей горизонты, а наоборот, становится препятствием и закрывает двери и в один, и в другой мир.

В повести «Апсны абукет. Вкус войны» на основе дневниковых записей своего отца Гуцко воссоздает картину военного Сухуми. Читатель узнает хронологию событий и ощущения русского человека во время грузино-абхазской войны. Русское население Абхазии оказывается заложником войны, потому что оно было лишено поддержки со всех сторон. Официальные российские власти не особо заботились о нем, не оказывали никакой поддержки для выезда с территории военных действий. Описывается процесс эвакуации из Сухуми представителей разных национальностей (евреев, греков, и др.) – но о русских из Абхазии в Москве не помнили. Звучит обида и обвинение в равнодушии:

Остался шрам – потрогайте... война.
«Это чужая война», – думали вы, слушая выпуски новостей.
Это чужая война, – подтверждали вам Первые лица.
«Ну и пусть», – думали вы.
Вот – потрогайте эту чужую войну.
«Наши» в субтропиках (Гуцко, 2002, 137)

Образ врага в тех событиях связывался сухумцами с грузинской неправительственной националистической группировкой «Мхедриони» (груз. «всадники»), которая выступала представительницей «малой империи» (Сахаров, 1989, 27), т. е. Грузии, выполняющей роль *Севера* по отношению к бывшим советским грузинским автономиям.

⁴⁴ Букет Абхазии (абхаз.).

На территории постсоветской Грузии образуется общество беженцев, включающее в себя не только грузин, осетин, абхазов, но и русских, выросших или проживших в Грузии много лет, которых грузины стали роковым способом идентифицировать с русскими из центра. Тему русских беженцев, которые так же вынуждены были уехать, продолжает Нина Бойко в малоизвестной, но ключевой для этой темы повести «Прощай, Сакартвело! Записки обывателя» (2005). В основу текста так же, как и у Гуцко, легли личные воспоминания. В повесть вошла хронология событий конца 1980-х – начала 1990-х гг. в Грузии, времен Гамсахурдия и Шеварднадзе.

«Откуда взялся весь этот кошмар?» – этим вопросом и поиском ответа на него задается писательница на протяжении всего текста⁴⁵. Ради прояснения или освещения различий во взглядах друг на друга она обращается к диалогу и спору: мнение *грузинских русских* высказывает учительница Нина, а мнение грузин – скрипач Эмзари и сосед Гия.

Становится ясно, что грузины «не хотели быть больше русскими» (Бойко, 2005, 123) и надеялись на помощь Запада (Там же, 135) в возвращении своей независимости, а значит, и своей национальной идентификации вне советского дискурса. А *грузинские русские* не понимали, почему их вклад в развитие индустрии Грузии оценивали как захват. Например, муж Нины приехал сюда по распределению – строить электростанцию, а она учила детей в школе. В 1980-х гг. русской семье советская Грузия казалась раем. Русские «колонизаторы» были поражены изобилием продуктов, отсутствием очередей и хамства, неторопливым образом жизни (Там же, 111–113). В гамсахурдиевские времена из-за национальной розни многое изменилось: «А русские уезжали с большой обидой, и уже никогда не заманят их на великие стройки, на великие дела» (Там же, 138).

Бойко обращается к советской концепции написания романов, т. е. предлагает вариацию советского развивательского нарратива. С обеих сторон люди стали заложниками политики. Вопрос о том, кто кого ущемлял в правах, остается для автора открытым (Там же, 140). В тексте обывательница-рассказчица критикует политиков: Джабу Иоселиани, Михаила Горбачева, Эдуарда Шеварднадзе, Звиада Гамсахурдия. Это те люди, из-за которых, по ее мнению, для Нины и ее семьи рухнул мир, в котором им было комфортно жить.

В грузинской литературе тема обращения к «чужим/негрузинам» практически не разработана. К минимально ее составляющим принадлежит автобиографическое эссе «Год пограничья: Грузия 2008–2009» тбилисской русскоязычной писательницы и переводчицы Инны Кулишовой (2009). Писательница обратила внимание на судьбы людей разных национальностей в Тбилиси. Они оказались на дне из-за политических неурядиц. Главной задачей писательницы являлось донести до читателя в России и русскоязычного читателя в целом информацию, расходящуюся с той, которую выгодно преподносили российские СМИ, а также информацию о бедственном положении людей, брошенных не только Россией, а фактически всем миром и оказавшихся не у дел, – о своих соотечественниках, о самых незащищенных и уязвимых слоях грузинского общества. В этот круг входили и грузинские, и осетинские беженцы, одинокие русскоязычные старики (русские, евреи, армяне, греки) и супруги, состоявшие в межнациональном, например грузино-осетинском, браке.

«Год пограничья» стал переломным для негрузинского населения Грузии, потому что население, ранее наиболее связанное ментально с Россией, отвернулось от нее из-за бомбежек российскими самолетами и, как следствие, стало определять себя «грузинами». Российская агрессия оттолкнула от России даже *своих* – русских и русскоязычных. Грузин и негрузин связывала боль пережитого и страх повторения (Кулишова, 2009, 158).

⁴⁵ Вопрос о неожиданности вспыхивания межнациональных войн прозвучал и у Д. Гуцко: «Была такая война. Грянула, когда вино безумия набрало силу. По древним технологиям ненависти оно долго бродило, крепло, заботливые невидимые руки поддерживали процесс... Настал срок – и оно разорвало наш мир, как прохудившиеся меха» (Гуцко, 2002, 133).

Подводя итоги первой попытки выделения новых дискурсов и тенденций в русско-грузинском литературном контексте постсоветского периода, отметим, что образы России – мощного соседа, на которого возлагались надежды, и образ Грузии как края, с которым издревле существовали культурно-духовные связи, претерпевают изменения уже после нарушения положений Георгиевского трактата и присоединения грузинских княжеств к Российской империи. Параллельно теме России – недруга/колонизатора в грузинской литературе в русской литературе формируется традиция репрезентации Грузии как цветущего края и страны вдохновения. Эта тенденция продлилась вплоть до краха СССР. Отличительной ее чертой в советский период было то, что тема России-«колонизатора» была спрятана от советской цензуры за аллегориями и мифами. В конце 1980-х гг. произошел следующий перелом. Связан он был с отказом от приемов иносказаний (мифологизации, аллегоризации). Тогда же в русской литературе главным дискурсом становится «Грузия – разрушенный рай». Происходит крушение утопически-романтического представления о ней. Неотъемлемой частью русско-грузинского контекста становится тема войны, беженцев и самоидентичности.

Библиография

- Абашева М. (2008) Время чумы. О книгах Дениса Гуцко «Покемонов день» и «Русскоговорящий» // Новый мир. № 11. С. 192–195.
- Авалов З. (1901) Присоединение Грузии к России. СПб.: Тип. А. С. Суворина.
- Аверчинков И. (2015) Путь по следу. Денис Гуцко // Вопросы литературы. № 5. С. 75–88.
- Беставашивили А. (1973) Таким будет мир. Отар Чиладзе «Шел человек по дороге» // Дружба народов. № 12. С. 269–272.
- Бойко Н. (2005) Прощай, Сакартвело! Записки обывателя // Наш современник. № 4. С. 110–165.
- Бурчуладзе З. (2011) Adibas. M.: Ad Marginem.
- Важса-Пишавела (1912) ვაჟა-ფშაველა. გაოხრებული ბაღი // განათლება. № 1. С. 27. – Важса-Пишавела. Опустошенный сад // Ганатлеба. № 1. С. 27. (Груз.)
- Ганиева А. (2006) Чужестра героя // Литературная Россия. № 43.
- Горюхина Э. (2000) Путешествие учительницы на Кавказ. М.: Дружба народов.
- Гураамшвили Д. (2004 [1787]) Давитиани // Заболоцкий Н. Поэтические переводы: В 3 т. М.: Терра-Книжный клуб. Т. 1. С. 243–413.
- Гуцко Д. (2002) Аpsны абукет // Знамя. № 8. С. 132–167.
- Гуцко Д. (2005) Русскоговорящий. М.: Вагриус.
- Джаникашвили Б. (2010) ჯანიკაშვილი ბ. ომობანა. თბილისი: ბაკურ სულაკაურის გამომცემლობა. – Джаникашвили Б. Войнушка. Тбилиси: Изд-во Бакура Сулакаური. (Груз.)
- Дугин А. (1996) Мистерии Евразии. М.: Арктогея.
- Казбеги А. (2009) Эльберд // Тбилиси: Литературная Грузия. С. 68–88.
- Киланава Ц. (2013) კილანავა ც. ქართული ნაციონალური დისკურსის ფორმირება: საქართველოსა და რუსეთის იმპერიის მარკირების მოდელები და ქართული ნაციონალური თვითიდენტიფიკაცია მე-18 საუკუნის დასასრულისა და მე-19 საუკუნის ქართულ ლიტერატურაში. თბილისი: ილიას სახელმწიფო უნივერსიტეტი. 2013. – Киланава Ц. Формирование грузинского национального дискурса: маркирование моделей Российской империи и грузинская национальная самоидентификация в грузинской литературе конца XVIII–XIX вв. Тбилиси: Изд-во ун-та Ильи. (Груз.)
- Кулишова И. (2009) Год пограничья: Грузия 2008–2009 // Новая юность. № 3. С. 140–162.
- Малазония Л. (2011) მალაზონია ლ. სოხუმთან ახლოს, მაშინ... // ცისკარი. № 7–8. С. 142–148. – Малазония Л. Вблизи Сухуми, тогда... // Цискари. № 7–8. С. 142–148. (Груз.)

- Мегрелишвили Г., Деметрашвили Т. (2010) მეგრელიშვილი გ., დემეტრაშვილი თ. irrata.ru. თბილისი: Alliance Publishing. – Мегрелишвили Г., Деметрашвили Т. irrata.ru. Тбилиси: Alliance Publishing. (Груз.)
- Одишария Г. (2015) Очкастая бомба // Дружба народов. № 8. С. 4–65.
- Одишария Г. (2008) ოდიშარია გ. პრეზიდენტის კატა. თბილისი: ინტელექტი. – Одишария Г. Кот президента. Тбилиси: Интеллекти. (Груз.)
- Поракишвили Н. (2004) Безумие и безумцы. Незанимательная грузинофобия. Тбилиси: Оффис Пресс.
- Рева Е. (2015) Особенности отражения этнокультурных ценностей народов Северного Кавказа в периодической печати: межнациональный аспект: Дис. ... д-ра филол. наук. М.
- Руденко И. (2004) [Аннотация] // Горюхина Э. Не разделяй нас, Господи! Не разделяй... М.: Культурная революция.
- Сахаров А. (1989) Степень свободы / Интервью Г. Цитриняка с Андреем Сахаровым // Огонек. № 31. С. 26–27.
- Соколовская Н. (2011) Литературная рабыня: будни и праздники. СПб.: Азбука-Аттикус.
- Глостанова М. (2004) Жить никогда, писать ниоткуда. Постсоветская культура и эстетика транскulturации. М.: УРСС.
- Глостанова М. (2012) О произвольности географии, или Почему мы исчезаем // Личность. Культура. Общество. Т. 14. № 69/70. С. 95–108.
- Цагарели А. (1902) Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся до Грузии. Т. 2. Вып. 2. СПб.
- Ципурия Б. (2016) Грузинский текст в советском/постсоветском/постмодернистском контексте. Тбилиси: Изд-во ун-та им. Ильи Чавчавадзе.
- Ципурия Б. (2016) წიგურია ბ. ქართული ტექსტი საბჭოთა/ პოსტსაბჭოთა/ პოსტმოდერნულ კონტექსტში თბილისი: ილიას სახელმწიფო უნივერსიტეტის გამომცემლობა. – Ципурия Б. Грузинский текст в советском/постсоветском/постмодернистском контексте. Тбилиси: Изд-во гос. ун-та Ильи. (Груз.)
- Чиладзе О. (2004) Годори // Дружба народов. № 3. С. 6–96; № 4. С. 80–117.
- Чкванавა Г. (2014) Гладиаторы // За хребтом Кавказа: современный грузинский рассказ. М.: Дружба народов; Культурная революция. С. 165–268.
- Чхаидзе Е. (2014) ჩხაიძე ე. დარღვეული ღუმლის ისტორია: «კულტურული გრავმა» ითარ ჩხეიძის «მაგიანე ქართლისაში» // ჩვენი მწერლობა. 05.09. 36–45. – Чхаидзе Е. История прерванного молчания: «Культурная травма» в «Летописи Картли» Отара Чхеидзе // Чвени მსერლობა [Наша литература]. 05.09. С. 36–45. (Груз.)
- Чхаидзе Е. (2015) Политика и исследование русско-грузинских литературных связей в Грузии: с советского периода по постсоветский // Toronto Slavic Quartaly. № 53. С. 92–112.
- Чхаидзе Е. (2016) Память о «Стране»: роман Н. Е. Соколовской «Литературная рабыня: будни и праздники» // Вопросы литературы. № 3. С. 160–174.
- Чхеидзе О. (1999) ჩხეიძე ო. თეთრი დათვი. თბილისი: ლომისი. – Чхеидзе О. Белый медведь. Тбилиси: Ломиси. (Груз.)
- Чхеидзе О. (2002) ჩხეიძე ო. არგისგული გადაგრილება. თბილისი: ლომისი. – Чхеидзе О. Артистический переворот. Тбилиси: Ломиси. (Груз.)
- Шейхова М. (2010) Предисловие к циклу. Об Эльвире Горюхиной // Портал «Стихи.ру». [9 августа] (<https://www.stihi.ru/2010/08/09/1922>).
- Штомпка П. (2001) Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социологические исследования. № 2. С. 3–12.
- Эбаноидзе А. (2001) Ныне отпускаеши // Эбаноидзе А. Брак по-имеретински. М.: Хроникер.

Эйдельман Н. (1990) Быть может за хребтом Кавказа (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). М.: Наука.

Alexander J. (2004) Toward a Theory of Cultural Trauma // Alexander J. et al. (Eds.) Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley, California: University of California Press.

Dainotto R. (2002) A South with a View: Europe and Its Other // *Nepantla: Views from the South*. Vol. 1. Is. 2. P. 375–390.

Dainotto R. (2007) *Europe (in Theory)*. Durham: Duke University Press.

Lang D. M. (1957) *Last Years of the Georgian Monarchy 1658–1832*. New York: Columbia University Press.

Mignolo W., Tlostanova M. (2007) The Logic of Coloniality and the Limits of Postcoloniality // Krishnaswamy R., Hawley J. C. (Eds.) *The Postcolonial and the Global: Connections, Conflicts, Complicities*. Minneapolis: University of Minnesota Press. P. 109–123.

Moore D. Ch. (2001) Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique // *PMLA*. Vol. 116. Is. 1. P. 111–128.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.